

СОФИЯ
БАЮН

МЕХАНИЧЕСКИЕ
ПТИЦЫ *не* ПОЮТ

Абсурдные сны

София Баюн

Механические птицы не поют

«1С-Публишинг»

2020

Баюн С.

Механические птицы не поют / С. Баюн — «1С-Публишинг», 2020 — (Абсурдные сны)

София Баюн – разносторонний писатель-фантаст, работающая в жанрах фэнтези и мистического триллера. Для книг автора свойственна немного мрачная атмосфера и загадка. Однако они неизменно захватывающие и интересные. Роман «Механические птицы не поют» вошел в тройку призеров литературного конкурса «Технология чудес», проведенного порталом Author.Today. Книга написана в стиле фантастического детектива в фэнтезийном мире с налетом стимпанка. Приморский город Лигеплац пребывает в состоянии беспокойства и всеобщей тревожности. Виной тому двойное убийство, в котором подозревают гильдию Полуночников, однако те свою причастность отрицают. В то же время у беглого аристократа Уолтера Говарда появляется механическая кукла, неотличимая от человека, которая сразу же привлекла к себе внимание одного из жандармов. Самого же жандарма одолевают собственные проблемы, связанные с сохранением важных секретов. Пока все эти тайны не будут раскрыты, город Лигеплац вряд ли вернется к прежнему спокойствию. Читайте историю в подробностях!

© Баюн С., 2020

© 1С-Публишинг, 2020

Содержание

Пролог. Во сне	5
Глава 1. Паб «У Мадлен»	9
Глава 2. Пташки и Соловьи	16
Глава 3. Сорока	25
Глава 4. О тех, кто просыпается, и тех, кто засыпает	34
Глава 5. Апельсиновые цветы	41
Глава 6. Достать до неба	53
Глава 7. Смех оставшихся в живых	64
Глава 8. Двери открываются	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

София Баюн

Механические птицы не поют

Пролог. Во сне

Город спал. Темнота обливала красные черепичные крыши, гасила золотой свет в окнах и черной водой текла по переулкам, наполняя их тишиной.

Полуночица любила это время. Особенно «Час черных кошек» – с трех до четырех часов утра, самое темное и тихое время.

Зимой было особенно темно и особенно тихо. Никто не заметит тень, скользящую по крышам. За годы она научилась делать это практически бесшумно.

Полуночица никуда не торопилась, но передвигалась быстро, низко пригибаясь, и ничем не выдавала своего присутствия. Когда-то, в первый раз выбравшись на крышу, она наступила на черепичную облицовку, отколов кусок, который с оглушительным звоном разбился на чьем-то подоконнике.

Это было очень давно.

На краю одной из крыш девушка остановилась.

В доме напротив горел свет. В одном из окон что-то блестело золотистым маревом. Наверное, свеча на подоконнике – она не могла разглядеть точно за занавесками. Девушка недовольно скривилась – хозяин давно должен был лечь спать. Впрочем, это не имело особого значения. Она подождет, пока он закончит дела. Приморская резиденция герра Хагана Хампельмана скоро должна была уснуть вместе со всем городом.

«Кошачий» час миновал. Она начала нервничать. Темнота, укрывающая город, все еще была плотным, черным бархатом. Но в ней уже чувствовалась близость рассвета, словно дыхание зимы в осеннем ветре.

Плохо. Очень, очень плохо.

Перебравшись на крышу дома, за которым она следила, Полуночица перегнулась через край, крепко держась за витую медную решетку.

Сколько раз жандармы говорили, что следует снимать эти решетки. Сколько объясняли эстетам, что это находка для любого, кто хочет проникнуть в дом. Полуночица всегда втайне посмеивалась: если она захочет проникнуть в дом, ее не остановит даже отсутствие дверей и окон.

Мягко приземлившись на подоконник, Полуночица сняла перчатку и слегка повела в воздухе ладонью. Занавеска за стеклом медленно поползла в сторону.

Это кухня. Огромная медная плита, широкий стол вдоль стены, множество посуды, стоящей штабелями на полках, и какие-то горшки с зеленью прямо на подоконнике. Девушка кивнула своим мыслям – кухня подходит. Вообще-то ее коллеги опасались попадать в дома через кухни, справедливо полагая, что один медный ковш способен, упав со стены, перебудить весь дом.

Но пускай кухонь боятся те, кто не способен пройти по нитке пустого пространства в самой захламленной комнате так, чтобы не дрогнул ни один из разбросанных по полу листов бумаги. Она была способна.

Полуночица сложила руки в молитвенном жесте и представила, как обнимает ладонями замок на окне, почувствовала тяжесть прохладного металла и гладкость сухого дерева. Простая щеколда. Странно, новые механические замки поддавались проще, чем обычный металлический запор. И открывались тише. Жаль, хозяин этого дома не раскошелится.

Медленно, с усилием, она провела указательным пальцем в сторону, ведя за собой щеколду на той стороне окна.

Раздался тихий скрип.

«Ну да, конечно, зачем смазывать замки на окнах», – с раздражением подумала она и сама улыбнулась своим мыслям.

Все ее коллеги искренне возмущались, когда что-то в быту добропорядочных граждан мешало совершению преступлений.

Она приоткрыла окно и медленно поставила ногу на подоконник, между цветочными горшками с зеленью. У стены рос укроп, и его желтые соцветия могли легко испачкать одежду, оставив заметные следы. Спустившись на пол, она закрыла окно и тщательно протерла щеколду небольшой бархатной тряпкой.

Внимание к деталям – первое, чему ей пришлось научиться. Никаких соприкосновений с кошками, цветами, свежей штукатуркой, красками и всем, что способно оставить след. Самым важным в работе было не выполнение задания – при малейшей опасности полагалось пренебречь заказом и передать его другому. Самым важным было сделать так, чтобы присутствие чужака в доме осталось незамеченным.

За годы работы ей приходилось исполнять самые странные заказы. Людям, способным проникнуть в любой дом, платили не только за кражи и убийства. Могли попросить запомнить расположение вещей в комнате, могли заставить подкинуть какую-нибудь мелочь, отравить собаку... Однажды ей заплатили, чтобы узнать, какими духами пользуется одна высокопоставленная особа. В тот раз она даже в дом не полезла, потому что «Сек Манифик» пах так узнаваемо, что было достаточно просто на несколько секунд оказаться рядом с женщиной, которая его носила.

В этот раз ей не нужно было ни красть, ни рыться в чужих столах. Анонимный заказчик просил фотографию спящего мужчины, хозяина дома.

Только и всего. Девушка давно не задавала лишних вопросов. Чем меньше она знает о заказчике и его мотивах, тем проще ей будет врать на допросах в жандармерии, где она оказывалась не раз. И еще никому не удавалось поймать ее на лжи.

Выйдя из кухни в темный коридор, она остановилась и опустила на глаза плотно прилегающие очки. Именно они оказались самыми удобными для ее целей. Их длинные окуляры вмещали до четырех сменных линз. Комбинация двух из них позволяла видеть в темноте, другая служила для увеличения. Она давно хотела купить новые очки, с десятком линз, которые повышали четкость изображения даже в полной темноте или позволяли разглядеть микроскопический скол на грани драгоценного камня. Но каждый раз она откладывала покупку. Полуночница, как и большинство ее коллег, была суеверна и считала, что вещи приносят удачу.

Она знала, что в доме есть дети, но к счастью, прислуга работала добросовестно, и на полу не было игрушек, которые пришлось бы тщательно обходить.

Ей нужна была дверь в самом конце коридора. Свет в комнате уже не горел, и она очень надеялась, что хозяин успел уснуть. Горничная говорила, что герр Хампельман пьет снотворные капли и засыпает быстро.

Стоило сделать шаг к комнате, как за спиной раздалось глухое рычание. Она медленно обернулась.

Никаких собак в доме не было. Не должно было быть. Не иначе как внезапно нагрел кто-то из гостей, и горничная об этом не знала. Утром Полуночница, притворившись цветочницей, полтора часа провела с горничной на кухне, глотая перестоявший холодный чай и обсуждая ее настоящих и своих выдуманных работодателей. И вот он, результат ее спектакля!

Собака была огромная, поджарая, серебристо-серая, с брыластой мордой и маленькими красными глазами. Девушка мысленно поблагодарила Спящего, который даровал ей встречу именно с этой породой. Эти сначала рычали, а потом бросались.

Собака шла к ней, настороженно ворча. Еще немного, и она перейдет от предупреждений к атаке.

Медленно, очень медленно, Полуночица вытянула из кармана небольшой серебристый свисток. Поднесла его к губам, и в тишине раздалась тихая, почти неслышная трель.

Для человека этот звук ничего не значил, даже если его услышит. Но собака остановилась, словно в замешательстве. Постояла несколько секунд, после чего развернулась и бросилась к одной из дверей.

Не оставалось сомнений, какая из спален предназначалась для гостей.

Девушка не боялась, что собака зарычит. Ужас, который будила в животных Крысиная флейта, иногда заставлял их замирать на целые часы. Они не решались ни рычать, ни скулить, ни даже щериться на невидимого врага. Правда, трогать животное в таком состоянии не рекомендовалось.

За дверью, где спал мужчина, которого она должна была сфотографировать, было тихо. Решившись, она приоткрыла дверь, после чего сразу отступила в темноту. Из комнаты по-прежнему не раздавалось ни звука.

Открыв дверь чуть шире, она проскользнула в комнату.

И остановилась в проходе.

«Какого...» – мелькнула паническая мысль.

Впрочем, мысль глупая и бесполезная, потому что Полуночица прекрасно видела, каково.

Ее «объект» не спал. Он лежал на кровати, поверх серого стеганого покрывала, и кровь еще стекала по стене бордовым узором.

Убийцы не было. Он не мог нигде спрятаться, а значит, уже сбежал. Ну, либо достойный герр Хаган сам выстрелил себе в голову, что было тоже вполне вероятно.

Девушка не сразу обратила внимание на женщину, сидящую в кресле в углу комнаты. Женщина смотрела прямо на нее, приоткрыв рот, словно собиралась закричать. Кровь влажно блестела темным узором на мягкой серой ткани шерстяного платья и складках юбки. Над воротником, на горле чернел глубокий разрез.

Думать было некогда. Полуночица закрыла правый глаз и протянула руку к окуляру. Аккуратно сняла его с основы, убрала в карман. Достала из второго кармана другой и, опустившись на колени, быстро закрепила его на кожаной основе. Снимающий окуляр был тяжелым и неудобным, но позволял фотографировать, оставляя руки свободными.

Она подошла к кровати, склонилась над ней и замерла на несколько секунд, слушая тихие щелчки окуляра. Затем подошла к женщине и медленно обошла кресло по кругу.

Сделав снимки с нескольких ракурсов, отошла к окну и задумалась.

Из дома нужно было бежать, и чем скорее, тем лучше. Заказ она выполнила, делать ей здесь больше нечего.

Вернуться тем же путем нельзя – собака перегородила ей путь. Сейчас к ней не стоило приближаться: животное было нервным и непредсказуемым, в измененном Крысиной флейтой сознании что угодно могло показаться опасностью.

Значит, нужно было уходить через это окно. Но ей не требовалось даже притрагиваться к трупу, чтобы понять, что несколько минут назад герр Хаган был жив. Если бы она не медлила с собакой в коридоре, могла бы столкнуться с убийцей. Или стать свидетелем самоубийства. Странно, что она не слышала выстрела. Впрочем, в дом она проникла быстро, и даже собака не сильно ее задержала, так что все могло случиться, пока она сидела на крыше. Может, стоило поискать револьвер или нож, которым убили женщину, но она решила не тратить время – за расследование ей никто не платил.

Если это все же было убийство, и она не слышала никаких звуков, пока возилась на кухне, значит, убийца покинул дом через это окно.

«Либо это один из домочадцев, либо это самоубийство, но перерезанное горло... Убил женщину и застрелился?» – думала она, холодно перебирая варианты отступления.

Утром она успела осмотреть дом и помнила, что рядом со спальней есть лестница на второй этаж. Проще всего будет выбраться на крышу через одно из верхних окон и тихо уйти.

Это была не самая опасная ситуация, в которую она попадала, но положение становилось хуже с каждой минутой.

Кажется, наверху была детская. Хорошо, если так. Дети ложатся рано и спят обычно крепко.

Ни одна ступенька не скрипнула, когда она поднималась. Дверь оказалась приоткрыта, а комната была освещена ночником с теплым желтым светом.

На этом ее удача кончилась.

– Ты кто? – раздался за ее спиной детский голос, когда она уже залезла на подоконник и приготовилась прыгать.

Полуночица медленно обернулась.

Как не вовремя.

Девочка лет пяти, светловолосая, в белой сорочке похожая на маленькое привидение, сидела на кровати и смотрела на нее в упор.

Однажды ей пришлось стрелять в нехвата проснувшегося гостя. Но застрелить ребенка она бы не смогла, об этом противно даже думать.

– Мальчик-с-фонарем! – загадочным шепотом ответила Полуночица, прыгая в оконный проем.

Девочка, кажется, будила брата, спящего на соседней кровати.

Очень, очень плохо, что она не закрыла окно. Впрочем, девочка все равно его откроет. Как она это делает, Полуночица уже не услышит.

На горизонте уже забрезжила золотистая полоска рассвета.

Оставалось не более получаса, чтобы успеть уйти в темноте, а потом в укромном месте сложить в спрятанную сумку всю амуницию, накинуть на комбинезон строгое шерстяное платье и превратиться из воровки и убийцы в добропорядочную горожанку.

Серую мышку, на которую никто не обращает внимания.

Объектив со снимками лежал в кармане. Она еще не знала, что это – удачный предмет торга, опасные улики, от которых следует немедленно избавиться или ее защита, но дважды проверила, чтобы объектив с фотографиями остался на месте.

Знала только одно. То, что произошло сегодня ночью, не было цепью случайных совпадений. Она была уверена, что даже собака в коридоре оказалась не просто так.

А значит, серой мышкой придется побыть немного дольше, чем обычно.

Глава 1. Паб «У Мадлен»

Город умывался ледяной морской водой с первыми лучами рассвета. Море толкало колеса и шестеренки электростанций. Электричество наполняло желтым светом лампы в домах и согревало воду в резервуарах, и в нем была частичка моря.

Это море подхватывало маленькие, старомодные, деревянные рыбацкие лодочки, на которых даже не было моторов, а вместо голограммы парусов, как на гордых линкорах и фрегатах, на единственной мачте бился настоящий белоснежный кэт.

И это же море принимало грузовые баржи и механические корабли, на рассвете выходящие в его воды.

Уолтеру всегда нравилось следить за морем. Зеленоватое у берега, на рассвете оно наполнялось золотом, и скоро это золото размывало волнами, оставляя стальное пространство, голубеющее к горизонту. Этот градиент казался ему самым совершенным в мире сочетанием цветов. Может быть, он и сам не отдавал себе отчета, но его темно-зеленые пиджаки и жилеты, голубые шейные платки и серые двубортные шинели отражали его привязанность к этим цветам. Уолтера завораживало вообще все, что было связано с морем. Может быть, поэтому он перебрался из туманной столицы в маленький город на берегу. Чтобы чувствовать прикосновение волн во всем. Чтобы ветер пах солью, а не сгоревшим топливом. Чтобы стоять на берегу, улыбаясь волнам, и быть живым. А что для этого пришлось оставить позади – так ли это важно?

Город назывался Лигеплац – «Пристань». Это слово значило для Уолтера нечто большее, чем просто место стоянки кораблей. Он очень надеялся, что этот город станет его домом. Город, пахнущий морем, такой живой и яркий, с его красными и бежевыми двухэтажными домиками, желтой тротуарной плиткой, с милой привычкой украшать оконные рамы резьбой, а подоконники – цветами, даже зимой видными за стеклом.

Часы на башне в порту пробили восемь. Уолтер нехотя отвернулся от воды и надел черные круглые очки. Он старался снимать их как можно реже, и пусть его в них часто принимали за слепца, зато никто не видел его недоброго, ядовитой зелени, взгляда. И он сам не встречал этот взгляд в зеркалах.

Не удержавшись и в последний раз за утро оглянувшись на волны – уже через черные линзы, – Уолтер быстрым шагом отправился прочь от берега.

Паб «У Мадлен» находился недалеко от порта, и Уолтер не помнил ни одного дня, когда там не было бы людей. Моряки с пришедших недавно судов, постояльцы нескольких комнат на втором этаже паба, случайные прохожие и туристы – здесь всегда было шумно, ярко и, чаще всего, весело.

Уолтер еще помнил, как два года назад, сойдя с корабля, он стоял посреди порта, одетый в изысканного кроя черное пальто, сковывающее движения. Он стоял и смотрел по сторонам – прибывший в город столичный аристократ, еще не забывший о том, что нужно соблюдать все возможные церемониалы и что воротнички на рубашках каждое утро должны быть накрахмалены так, чтобы о них можно было порезаться. Уолтер еще не сбросил маску презрительного высокомерия, а горящих восторгом глаз никто не мог заметить под очками.

А вокруг него кипела жизнь – настоящая, та, о которой он раньше и не подозревал. Он стоял, сжимая ручку дорогого фамильного саквояжа, и ошалело смотрел на матросов, занятых погрузкой и разгрузкой кораблей, на женщин в желтых кружевных шарфах, призывно улыбающихся каждому мужчине, с которым встречались взглядом. Торговцы, бдительно следящие за разгрузкой, угрюмые механики, подходившие к прибывшим. Девушки в белых передниках, несущие к кораблям корзины с фруктами.

Одна из них подошла к нему и дернула за рукав.

– Груша, герр! Всего медяшка!

У нее было добродушное, круглое лицо, густо усыпанное веснушками. Уолтеру, привыкшему к болезненно-бледным, холеным аристократкам, в первую секунду показалось, что девушка перед ним с какой-то другой планеты. Но потом он пригляделся к ее лучистым серым глазам и желто-рыжим лисьиим косам и понял, что с другой планеты тут он. Молча протянул девушке монетку и взял грушу у нее из рук, коснувшись ее теплых, мягких пальцев. Она хихикнула и, достав из корзины веточку вереска, заправила в петлицу его пальто, густо обсыпав пылью черной кашемир.

– Так-то, герр. Сходящие с кораблей всегда тоскуют по свежим фруктам, женским улыбкам и запаху вереска! А если вы тоскуете еще и по выпивке или комнате ищете – в пабе «У Мадлен» как раз есть свободный номер, – подмигнула ему девушка.

Позже он узнал, что девушку звали странным именем Василика, и она была подавальщицей в пабе. Как и большинство девушек, продающих фрукты в портах по утрам, чтобы завлечь в свои заведения постояльцев и посетителей.

Но в тот день Уолтер понял, что ничего не случается просто так.

В тот же вечер он отдал какому-то портовому нищему свое пальто, за бесценок продал саквояж, сжег шейный платок в камине и купил себе эту самую шинель и гитару.

Не важно, кем он был в той, прошлой жизни. Главное, что и в этой, и в прошлой жизни он виртуозно играл. И сейчас был просто Уолтером, музыкантом в пабе «У Мадлен».

И хотел им и оставаться.

А если он хотел оставаться просто музыкантом Уолтером, «У Мадлен» нужно было быть через пятнадцать минут, потому что Хенрик, хозяин заведения и бармен, вчера просил его открыть бар и постоять за стойкой пару часов. Уолтер не возражал. Он прекрасно варил кофе и заваривал чай, а большего от него по утрам редко требовали. С вечера он специально не стал пить, чтобы сейчас быть в состоянии работать и улыбаться посетителям.

Василика уже была на месте и принимала заказы на завтрак от нескольких проснувшихся постояльцев.

– Уолтер! Ты вовремя: эти чудесные господа заказали у меня целый галлон кофе! – она поставила поднос на пустой стол и помахала ему рукой.

– Неужели кого-то не бодрит твой щебет по утрам, милая? – улыбнулся он, снимая очки.

Василика звонко чмокнула его в щеку и проскользнула на кухню. Уолтер, вздохнув, встал за стойку и включил небольшую печку под медным подносом, полным песка.

Он помнил женщину, научившую его так варить кофе. Ее звали Атаро. Она служила в доме его отца – единственная горничная, вместо кружевных наколок носившая на голове яркий, красно-желтый тюрбан со своей родины. У нее была кожа цвета горького шоколада, самые белые глаза и зубы из всех, что он когда-либо видел, и самый громкий смех. Она говорила, что варить кофе – колдовство. И что если не разбудить живущих в порошке духов, можно просто вылить чашку на пол.

Уолтер улыбался, ставя в нагретый песок большие медные джезвы.

Здесь тоже любили кофе. И умели ценить разбуженных духов.

– Уолтер, твою мать, я что, еще с вечера не протрезвела или я правда вижу твою сияющую рожу за этой стойкой с утра? – прохрипела высокая, черноволосая женщина, садясь за стойку.

– Моя обожаемая Зэла, твой голос подобен пению райской птицы в ветвях цветущего персика рано утром, когда... – с радостью включился он в их обычную игру.

– Ох, заткнись, ради всего святого, Уолтер, у меня от твоего меда слипаются уши, – мрачно сказала она.

– Как пожелает прекраснейшая фрау!

Зэла была бортовым механиком. Она часто нанималась на суда и отправлялась в многомесячные плавания, но всегда возвращалась и останавливалась именно в пабе «У Мадлен». И после каждого плавания по полгода занималась обслуживанием кораблей на верфях, не выходя

в море, и страшно ругалась, поминая качку, ледяной ветер, раскаленные моторы, погнутые шестеренки, порванные ремни и сальные шуточки матросов.

А потом снова срывалась в плавание.

Уолтера – высокого, сублильного, вечно растрепанного русоволосого музыканта с аристократическим прошлым – она сразу невзлюбила. Он, не задумываясь, подыграл ей, и она верила, что перед ней велеречивый, высокопарный и изнеженный мальчишка – до тех пор, пока мальчишка не выпил при ней бутылку виски и не подрался с двумя матросами, уделявшими Василике слишком пристальное внимание.

То есть до вечера того же дня, когда они познакомились.

Впрочем, Уолтер с удовольствием продолжал строить из себя трепетного юношу, превратив ошибку Зэлы в ежедневную беззлобную игру.

– Возьми, полегчает. Я капнул тебе в виски кофе, – подмигнул Уолтер, подвигая к ней высокий бокал.

– Спасибо. Не такой уж ты и мерзкий все-таки, но как увижу твою лошеную мордашку, так и хочется сломать твой породистый носик в трех местах, – проворчала Зэла, которая привыкла общаться с моряками, а не с более благодарными собеседниками.

С этой ее особенностью Уолтер вполне смирился.

– Слышал, Полуночица вчера этого... попечителя... как там его звали... герра, мать его, Хагана... пришила, в общем. Вместе с его женой.

– Герра Хагана? Второго владельца «Механических пташек»? – брезгливо скривился Уолтер.

– Его самого, старого козла, туда ему и дорога. Все так убиваются: как же, благотворительность, попечитель каких-то сиротских приютов, поит бездомных котят сливочками. А сам выпускает этих... – с ненавистью выдохнула Зэла.

Уолтер молчал, разливая кофе по чашкам. Герр Хаган заявлял, что делает доброе дело, создавая механических кукол для работы в борделях. Уолтер знал только две сферы, где было разрешено использовать таких кукол, каждая из которых лицензировалась и проходила ежегодную сертификацию.

Это были сфера удовольствий и сфера ритуальных услуг.

Ненависть Зэлы вызывала первая. А именно то, что многие из кукол герра Хагана, бывшего не только совладельцем фирмы, но и художником, имели облик несовершеннолетних девочек. Уолтеру тоже претила сама мысль о подобном, но он утешал себя тем, что испытывающим такие чувства лучше удовлетворять их с бездушными «пташками», а не с живыми людьми. Если уж они по какой-то причине до сих пор не болтаются в петле.

Зэла подобных утешений не находила.

– Интересно, кому это он так насолил, что для него наняли Полуночицу. Удовольствие-то не из дешевых.

– Понятия не имею, только я бы сбор организовала на компенсацию его расходов. Ну-ка, подлей мне еще.

– А откуда вообще известно, что это Полуночица? Они вообще-то работают без свидетелей, – усомнился Уолтер, наливая кофе в новую чашку.

– Девочка видела. Дочка Хагана. Говорит, черная тень, представилась Мальчиком-с-фонарем.

– Ну, тогда Полуночники не имеют никакого отношения к этому убийству. Разве ты не знаешь – Полуночица или не попалась бы на глаза ребенку, или просто тихо придушила бы свидетеля.

– Полуночицы, наверное, разные бывают. Не знаю я, Уолтер. Только по мне лучше честные потаскухи в желтых шарфах, чем... А, пошло оно все.

Зэла залпом выпила обжигающий кофе и собиралась с размаха поставить кружку на стойку. Уолтер успел подставить под кружку ладонь и улыбнулся Зэле:

– Милая, ты перебила половину нашей посуды. Нельзя ли меньше экспрессии?

– Зануда, – беззлобно буркнула она, все же ставя чашку рядом с его рукой.

Аккуратно, не издав ни звука.

– Уолтер, нам нужен еще чай! За третий и за пятый столик – там твои соотечественники, они говорят, что здесь никто не умеет прилично заваривать!

Василика села рядом с Зэлой, поставив на стойку пустой поднос.

Уолтер улыбнулся. Женщины смотрелись вместе забавно. Зэла была черноволосой, с обветренным красно-медным лицом, высокими скулами и раскосыми глазами, отличающими коренных жителей Континента. А Василика – бледная, веснушчатая рыжеволосая простушка, моложе Зэлы лет на десять. Рядом они напоминали осеннюю белку и угольную кошку.

Уолтер как-то видел такого зверя – крупнее льва в полтора раза, с черной, смолянисто поблескивающей шерстью.

– Мои соотечественники очень любят говорить, что чай, который они пьют где-то, кроме Альбиона, вовсе не чай, а помои, которыми они постеснялись бы пачкать свой фарфор, – Уолтер выдвинул один из ящиков под стойкой и достал оттуда мешочек из небеленого полотна. – Но каково было бы их удивление, если бы они узнали, что тот чай, который везут клиперы из колоний, на самом деле – пыль, которую нельзя заваривать без горьких цитрусовых корок? Есть всего четыре клипера, которые возят на Альбион настоящий чай. И все они ходят только в Гунхэго.

Он надел толстые стеганые перчатки и снял со второй печки большой медный чайник. Ополоснул кипятком два фарфоровых чайника и вылил воду прямо на пол. Она быстро ушла сквозь доски.

– Но у нас нет чая из Гунхэго, у нас вообще не чай – это местная трава, которая напоминает его по цвету и запаху, – расстроено отозвалась Василика.

– В этом-то и прелесть. Вот, отнеси им, милая, и посмотрим, хватит ли им снобизма возмущаться, – улыбнулся ей Уолтер, ставя два чайника и несколько чашек на поднос.

– Ты кем был на Альбионе, счетоводом в какой-нибудь чайной конторке? Какие лекции, – скривилась Зэла.

Уолтер, пожав плечами, поставил в песок еще одну джезву.

– Ты давно видела Мию? – как бы невзначай спросил он.

– А, ты все со своей скрипачкой. Да, Хенрик что-то говорил о том, что пригласил ее в конце недели. А что, птенчик, ты уже охрип отдуваться один? Пальчики холеные от гитары болят? – хохотнула она.

– Ты жестокая женщина, Зэла.

– А как же райская птичка в цветущих лепестках персика?

– Разве птички не бывают жестокими? – улыбнулся Уолтер, разливая кофе по чашкам.

* * *

Хенрик пришел только к обеду. За это время Уолтер уже успел погасить обе печки и начать наливать пиво вместо кофе.

Хозяин паба «У Мадлен» с трудом протискивался в двери собственного заведения. Это был огненно-рыжий мужчина огромного роста. Он разменял уже шестой десяток, но возраст лишь начертил на его лице лишние морщины и запутал серебристые нити в волосах и бороде. Взгляд его медово-желтых глаз не потерял своей пронизательности, зато обрел насмешливые искорки, свойственные тем, чья судьба складывалась нелегко.

Паб «У Мадлен» пользовался репутацией места, где можно останавливаться кому угодно, включая семьи с детьми и путешествующих в одиночестве женщин. Таким паб часто советовали прямо на пристани. Хенрик, хотя и был не молод, к тому же в одном из давних морских сражений потерял ногу, не позволял в своем заведении драк и дебошей. Правда, иногда они все же происходили, особенно в его отсутствие. С тех пор, как в паб устроился работать Уолтер, это стало его проблемой. Он был не против.

Когда-то он был бретером не из последних и умел не только стрелять и фехтовать. Каждый раз, вспоминая, какими словами отзывался об этом его отец, Уолтер только горько усмехался.

– Как ты тут справляешься?

Голос у Хенрика был ожидаемый для такого человека – глубокий, раскатистый, словно далекий гром. Кто-то говорил, что похож на звериный рык, но Уолтеру казалось, что это недостаточно емкое сравнение.

– Неплохо, но помощь требуется, – улыбнулся он, выливая в узкий, высокий бокал порцию черного тягучего ликера, перемешанного со льдом.

Хенрик усмехнулся и подошел в стойке. Механический протез он заказал себе несколько лет назад, после долгих и упорных уговоров. Теперь его увечье было почти незаметно, и только царапины на светлых досках пола напоминали о том, что когда-то хозяин прохаживался по ним деревянной ногой, окованной понизу железом.

Уолтер добавил в бокал порцию водки и долил доверху сливок.

– Какие планы на вечер, Хенрик? Мне опять придется брэнчать палечку до закрытия?

Танец не просто так назывался «палькой». Слово «распалать» лучше всего характеризовало то, что начиналось сразу после первых аккордов.

– Может, и придется. Но ты не переживай: я пригласил нам на подмогу одну особу, желающую подзаработать.

– Я надеюсь, это будет не как в прошлый раз, когда ты обещал нам певицу, а привел какое-то очаровательное существо чуть выше табуретки, которого не было бы слышно, даже если бы все просто молча пили, а не разговаривали и гоготали?

– Хочешь сам искать пабу культурную программу? Может, мне задуматься о том, стоит ли тебя держать с твоей палькой? – усмехнулся Хенрик, становясь за стойку.

Уолтер перепрыгнул ее, оперевшись о край рукой и, как ни в чем не бывало, сел на один из барных стульев.

– Что вы, герр Хенрик! Я готов играть вам палечку и петь скабрзные песенки с утра до вечера, лишь бы не лишиться счастья созерцать ваше прекрасное заведение!

– И не вылететь из комнаты, которую ты у нас занимаешь.

– Именно так. Я боюсь, сердце мое не вынесло бы такого удара. Так кого ты там нашел?

– А, бортовая чародейка с пришедшего корабля желает бесплатную ночевку.

– Бортовая чародейка? Это же злющие, дорого одетые тетки, которые даже на своих капитанов смотрят с таким презрением, будто те ну просто грязь под их ногами, – усмехнулся Уолтер.

– А эта молоденькая совсем, ну, может, твоя сверстница. Видно, еще не разобралась, как надо себя вести. И смешная такая, выглядеть пытается как шаманка с Северных Берегов, ну ты сам посмотришь. Только я тамошних ведьм видал – они еще хуже наших чародейек: беловолосые все, белоглазые, будто в них крови вовсе нет, и взгляды у них... Как обведут черным свои глазница, так думаешь, что такой и колдовать-то не надо – она только посмотрит и к месту приморозит.

– По мне, что одни, что другие, что третьи – неприятные особы, но в море без них делать, и правда, нечего. Одна чародейка способна навести морок и увести от корабля левиафана, а ты знаешь, сколько они топят, – зевнув, ответил Уолтер.

– Плавали мы и без ваших чародеек, – ответил Хенрик, и взгляд его мечтательно затуманился.

– Зэла успела рассказать тебе про кончину ее обожаемого герра Хагана? – торопливо перевел тему Уолтер, пока Хенрик опять не завел про свое славное прошлое.

– Про кончину всеми обожаемого герра Хагана и фрау Марии мне прожужжали уши все мальчишки-газетчики на пути от дома до паба. Я хочу дождаться статьи в «Парнасе» – эти хотя бы думают, что пишут. Представляешь, одна газетенка вообще накарябала, что фрау Марию собака загрызла.

– А откуда ты знаешь – может, и правда собака? – меланхолично спросил Уолтер, перегибаясь через стойку и снимая с остывшего песка джеззу.

– Так они фотографию трупа приложили, жандармскую. Что я, мало вскрытых глоток в своей жизни видел? Я и сам...

– Хенрик, – Уолтер поднял ладонь в предупреждающем жесте.

В стойке подошла Василика.

– Герр Хенрик! Я тут слышала, вы какую-то ведьму привели? А она нам двор не подожжет, как в прошлый...

– Она приедет погадать, – отрезал Хенрик, не дав девушке договорить.

– Ах, вот оно что! Тогда предупреждаю: у нас тут две пожилые леди, и я надеюсь, ваша ведьма не будет предрекать всем, кто старше шестидесяти, скорую кончину, как в...

– Василика, лучик мой, зачем ты держишь пустой поднос рядом со стойкой?

– Чтобы вы поставили на него пять кружек темного пива и четыре шота односолодового виски с перцем, – очаровательно улыбнулась ему девушка.

На нее было невозможно злиться, и Уолтер видел, что Хенрик добродушно посмеивается в усы, наливая пиво.

* * *

Ведьма пришла вечером. Раньше, чем Уолтер стал играть пальку, и начались танцы, но именно в тот момент, когда он, поставив ногу на один из столов, вдохновенно пел «В таверне». Голос у него был сильным, гитара – звонкой, и никто не мог бы пожаловаться, что хоть слово нельзя расслышать за смехом и разговорами.

– Те, кто выиграл, носят одежды тех, кто проиграл, и здесь никто не боится смерти!

Уолтер подмигнул вошедшей девушке и отвернулся, не останавливая песню.

Он успел разглядеть ее. И правда, смешная. Совсем молодая, с нежной кожей, пушистыми каштановыми волосами и медово-желтыми глазами, она зачем-то пыталась выглядеть как хищница с Севера. Но густые черные тени и плащ из белых ласок не делали ее похожей на шаманку точно так же, как широкий пояс с медными бляхами и подвесками в виде птиц.

Она выглядела девочкой, примерившей мамин наряд.

– А первый за тех, кто томится в казематах! – грянули матросы, утопив голос Уолтера.

– А третий и второй – за самых прекрасных женщин! – отозвался он.

Бокалы должны были поднимать тринадцать раз. К концу песни, вспомнив всех, кого только было можно, от моряков до Прелата, Уолтер наконец смог отложить гитару и подойти к устроившейся в углу ведьме.

– Здравствуйте. Это вас пригласил Хенрик?

– Верно. Только я не вижу здесь своих клиентов. Только пьяных матросов и кабацкого горлодера, – с презрением отозвалась девушка.

Кажется, некоторые навыки у бортовых чародеек она успела перенять. Уолтер улыбнулся. Интересно, все ли?

– Все верно, это паб у порта, здесь всегда такая публика. Может быть, вы желаете что-то более изысканное? У меня есть прекрасная баллада о леди Изабелл и горшке с базиликом...

Уолтер мог пропустить минут десять между песнями, чтобы не утомлять гостей. Но он не воспользовался этой возможностью и, сев рядом с ведьмой, взял первые аккорды.

– Над миром плещется гроза, взорвавшись тысячей огней, и время, повернув назад, взорвалось в небе вместе с ней, – начал он тихим и заунывным голосом.

Это была самая длинная и самая нудная баллада из всех, что он знал. К тому же в ней пелось о девушке, которая выкопала труп возлюбленного, отрезала ему голову и положила ее в горшок с базиликом. Горшок она постоянно поливала слезами, пока его не украд убийца, и девушка не скончалась от тоски. Вообще-то Уолтер мог за такие песни нарваться на неприятности с распаленными более веселыми песнями постояльцами, но на него, к счастью, никто не обращал внимания.

К середине баллады девушка сделала попытку остановить певца, но Уолтер только укоризненно на нее посмотрел. Судя по тому, что она затихла, ведьма мало чему научилась у бортовых чародеек.

– Она молчит, как он просил, и нет ни слов, ни слез, и нет отчаянья, нет сил, в груди застыл мороз, – продолжал он, старательно изображая звенящие в голосе слезы.

Когда баллада, наконец, закончилась, на лице девушки отразилось искреннее облегчение.

– Видите, я знаю музыку, которую ценят в лучших альбионских домах. А хотите...

– Нет-нет, простите, я не разглядела в вас ценителя, – торопливо ответила девушка. – Меня зовут Сулла, и я просто хотела погадать кому-нибудь из постояльцев.

– Не смею вам мешать. Кстати, меня зовут Уолтер, – улыбнулся он, вставая со стула.

– Может быть, вам?

– Ну уж нет, вдруг вы видите не только то, что я хотел бы подглядеть, но и то, что я хотел бы не вспоминать, – отказался Уолтер.

– У всех нас есть тайны, музыкант, – донеслось ему в спину неожиданно холодное предупреждение.

Он только усмехнулся.

Если девушка желает снять у них комнату – значит, у него будет время с ней познакомиться поближе. Если она бросается такими предупреждениями, значит, ведьма она плохая и ничего узнать о нем не может. А если так, то ничто ему не грозит.

Глава 2. Пташки и Соловьи

В следующие дни новость о кончине герра Хагана и фрау Марии стала самой обсуждаемой не только в пабе «У Мадлен», но и во всем городе.

Эта новость ходила по улицам, проникала в гостиные, на кухни, в кафе и клубы, грелась у каминов, обрастала подробностями, домыслами и сплетнями, и снова выходила на улицы. Люди носили ее в карманах и в руках, с радостью передавали друг другу. Кто-то украдкой торопливо выдыхал ее прямо в ухо собеседнику, кто-то выкрикивал на улицах, а кто-то томно шептал, прикрываясь кружевными веерами.

На похороны пригласили только членов семьи и нескольких коллег. Это породило новую волну домыслов – от версий об изуродованном теле до осторожных предположений, что герр Хаган на самом деле жив.

Уолтера не особенно интересовали эти сплетни и компания «Механические пташки». Он только с брезгливостью отметил среди своих знакомых нескольких особо сокрушающихся о том, что следующий художник может не понять «того особого шарма, который был присущ прошлому».

Гораздо больше Уолтера заботило событие, которого он каждый раз ждал с плохо скрываемым волнением – Хенрик пригласил Мию, и она обещала прийти. Несколько раз она переносила свой визит, присылая надушенные записки Хенрику, но в ближайшие дни обязательно должна была появиться в пабе.

В тот день Уолтер спустился в зал к обеду. Утром он успел сходить к морю, умыться ледяной водой и послушать прибор. Потом вернулся домой и проспал еще несколько часов.

Хенрик сидел за стойкой и читал газету. Уолтер издали узнал вензель в названии. «Парнас» – газета, чьей статьи об убийстве герра Хагана ждал весь город.

– Ну что, их Пишущие уже нашли убийцу и выдали его толпе? – усмехнулся Уолтер, садясь на стул.

– «Редакция “Парнаса” отказывается от любых комментариев по поводу убийства герра Хагана Хампельмана и его жены, фрау Марии Хампельман до проведения конференции», – процитировал он, не отрываясь от газеты.

– Уолтер, ты проснулся! Хочешь кофе? – рядом словно из ниоткуда возникла сияющая Василика с подносом, полным грязных тарелок.

– Очень, солнышко, только о нем и мечтаю, – улыбнулся ей Уолтер.

– Так подвинь аккуратненько Хенрика и свари мне тоже – я с утра бегаю, устала!

Через секунду ее у стойки уже не было. Уолтер тяжело вздохнул – он никак не мог привыкнуть к простоте здешних нравов.

– Нет, ну ты слышал? – риторически спросил он Хенрика, так и не оторвавшегося от газеты.

– Слышал, как не слышать. На меня тоже вари, – коротко ответил он, отодвигаясь от печки.

Пока Уолтер возился с песком и джезвами, сверху спустился еще один поздно просыпающийся постоялец. Чародейка Сулла появлялась в обеденном зале в полдень, а потом пропадала до ночи. Наверное, пыталась наняться на корабль.

Почему у нее не получалось, Уолтер уже понял. Единственным волшебством, которое она показала за все это время, были несколько искорок, которые она стряхнула с ладони.

На Альбионе гораздо реже пользовались услугами чародеев, предпочитая развивать технику. Но за время жизни в Лигеплаце Уолтер успел сделать некоторые выводы о представителях этой профессии.

Отец обеспечил Уолтеру блестящее образование. Городской университет Альбиона, считающийся лучше всех на континенте, Уолтер закончил с отличием. Но вопросам магии там уделялось удивительно мало времени. Магия считалась пережитком и варварством. Ирония состояла в том, что едва ли не единственной постоянно использовавшейся там магической вещью были антимагические экраны. Чародеи никогда не отличались щепетильностью и исправно поставляли экраны на Альбион, где привыкли дорого платить за свои прихоти.

Альбион всегда был прогрессивен. Именно там на технологической выставке впервые был представлен дирижабль – огромное, кажущееся несуразным чудовище, которое все же могло решить проблему опасных морских путешествий. Впрочем, дирижабли так и не получили большого распространения – во-первых, они постоянно падали, а во-вторых, даже при таких условиях в небе быстро появились воздушные пираты.

С тех пор, как было открыто электричество, на Альбионе считали, что будущее – за этими холодными лиловыми сполохами, которые дал им худой, бледный мужчина из Кайзерстата.

Но, к немалому удивлению Уолтера, выяснилось, что в самом Кайзерстате промышленная революция не мешала чародеям. Они продолжали занимать свои посты, часто нанимались для охраны на корабли и дирижабли, и даже на поездах, отправляющихся с местных вокзалов, обязательно присутствовал штатный колдун или ведьма. Уолтер очень ценил преимущества, которые давало их присутствие, но не мог отделаться от инстинктивной неприязни к этим людям.

Наверное, они просто слишком сильно напоминали ему альбионскую аристократию своей надменностью и непредсказуемостью.

Уолтер уже знал, что существует множество направлений, в каждом из которых свои чародеи, и колдуют они по-разному. И каждый чародей, даже внутри своего направления, колдует по-своему.

Но всех их объединяло одно: эффективность и естественность использования своей силы. Чародеи легко зажигали свечи во всей комнате одним взмахом руки; не задумываясь, ловили падающие предметы, сделав легкое движение пальцами, и часто во время разговора жестикуют и рисовали в воздухе светящиеся узоры. Сулла же в первый вечер погадала всем желающим и демонстративно выпустила несколько искр с ладони.

Уолтер не знал, чем обычно занимаются слабые чародеи. Ведь наверняка же они существуют.

Но точно знал, чем им заниматься не следовало – заниматься на кораблях. Ни один корабль не заходил в порт, не попав по пути в какую-нибудь неприятность. На кораблях нападали пираты и морские чудовища, на море часто случались шторма. Надо ли говорить, что у пиратов часто находились свои чародеи, отличающиеся редкой изобретательностью и жестокостью. Уолтер читал о казни чародейки, работавшей на пиратском судне «Крадушыйся». Корабль полностью оправдывал свое название – он следовал за жертвой на большом расстоянии и никогда не принимал бой. Если на борту корабля не оказывалось хорошего чародея, который распознавал и отражал чужие чары, пиратская ведьма насылала на весь экипаж болезнь, которая сжигала человека за пару дней. Потом «Крадушыйся» приближался к судну, и пираты забирали весь груз, который не могли защитить мертвецы. Правда, это было до того, как антимагические экраны стали доступны всем.

На что надеялась Сулла, если его выводы о ней были верны, Уолтер просто не представлял.

Она сидела за самым дальним столом в углу, и Уолтер видел, как она провожает не замечаящую ее Василику злым взглядом каждый раз, когда та проходила по залу. Сулла была в том же платье, в каком и приехала, только плащ из белых ласок сменила грубая серая шаль.

– Госпожа ведьма сидит там уже минут десять и, кажется, очень недовольна тем, что ты к ней не подходишь, – сообщил Уолтер Василике, когда она подошла к стойке за кофе.

– Ой! А раньше ты мне не сказал, – расстроилась девушка.

Спустя минуту она вернулась.

– Далеко не уходи, ей тоже нужен кофе!

– Если я буду постоянно варить вам кофе – к вечеру не смогу играть, – проворчал Уолтер.

– Если ты со своими джезвами так обессилеешь, что не сможешь играть, то я дам тебе отгул. Только если твоих сил при этом хватит бутылку поднять – это будет отгул за твой счет, – усмехнулся Хенрик.

Звякнул колокольчик над дверью. Уолтер оторвался от кофе и поднял взгляд на вошедшего.

– Хенрик, у нас жандарм, – пробормотал он, возвращаясь к джезве.

– Вижу.

Хенрик был абсолютно спокоен, но Уолтер увидел, как он едва заметно кивнул Зэле, читавшей газету в другом углу зала.

Жандарм, едва заметно хромя, подошел к стойке.

Он был высоким и худым. Форменная шинель висела на нем мешком, редкие, мышинового цвета волосы он старательно зачесывал назад, чтобы скрыть плешь. Лицо у него было вытянутым, нос – длинным, а глаза под круглыми очками в проволочной оправе имели совершенно невыразительный, светло-голубой цвет.

– Что вам угодно, уважаемый? – доброжелательно спросил его Хенрик.

– Я хочу знать обо всех ваших посетительницах за эту неделю, – просто ответил жандарм, кладя ладонь на стойку.

Голос оказался тихим и дребезжащим, с заискивающими интонациями.

– Спросите что проще, герр?..

– Унфелих.

– Так вот, герр Унфелих, у нас портовый паб. К нам за неделю приходят и уходят десятков пять женщин разного возраста и разных классов. Кто-то остается на ночь.

Хенрик лукавил. На самом деле из новых постояльцев у них была только Сулла, которая стала платить за комнату, не сумев наняться на корабль. И почти всех, кто появлялся в пабе по вечерам, он знал лично, поэтому мог назвать герру Унфелиху все имена. Но Хенрик не собирался этого делать. Во-первых, жандарм не показал никаких удостоверений, во-вторых, он задал неправильный вопрос.

Видимо, он и сам это понял. Вздохнув, жандарм выложил из кармана на стол удостоверение в черной обложке. Хенрик взял его в руки. Открыл, несколько секунд вчитывался и все больше мрачнел.

– В пабе нет никого, кто бы вам подходил, – холодно ответил он, возвращая удостоверение.

– Позвольте, но это мне решать. Они редко сбегают, но отлично прячутся, герр Хенрик. И так похожи на людей. Вы и сами знаете, верно? Одна из кукол живет у вас дома, – улыбнулся жандарм, и в голосе его не осталось и следа заискивания.

Уолтер вздрогнул. Кофе пролился на песок, дотек до подноса и зашипел, сторя на раскаленной меди.

– Я закон не нарушаю. И никого не укрываю. Но здесь нет тех, кого вы ищете, только ведьма с Севера. Вы же знаете, герр Унфелих, что куклы не колдуют, – сквозь зубы процедил Хенрик.

– А кто-то видел, как она колдовала? – спокойно поинтересовался жандарм.

– Все видели. Уолтер, видел, как Сулла колдовала?

– Да, – не задумываясь, ответил он.

– Василика, девочка моя, ты видела, как Сулла колдует?

– Так же ясно, как вижу вас, герр Хенрик, – покладисто ответила она.

– Видите. Вам тут нечего искать. А если хотите проводить у меня обыски и допросы – принесите бумагу из Канцелярии, а не только удостоверение и свои домыслы, – сквозь зубы процедил Хенрик.

Уолтер на месте жандарма испугался бы. Герр Унфелих выглядел обычным неудачником, к тому же довольно сублильным, а Хенрик сейчас напоминал разъяренного огненно-рыжего медведя, способного разорвать человека пополам.

Но жандарм сохранял абсолютное спокойствие. Улыбнувшись, он кивнул Хенрику, убрал удостоверение в карман и вышел, напоследок окинув взглядом зал.

– Вот ведь штопаный подонок! – раздался полный возмущения голос Зэлы, едва за герром Унфелихом закрылась дверь.

Зэла швырнула в камин газету, за которой пряталась весь разговор, и села за стойку.

– И правда, удивительно неприятный господин, – отозвалась Василика, подходя к Хенрику и осторожно прикасаясь к его запястью.

– Жалобу напишу и бумагу перцем пропитаю, чтобы, если ей подотрутся, мое недовольство все равно пробрало! Каков подлец! И где, скажите на милость, хваленая конфиденциальность «Механических соловьев»?! – продолжала возмущаться Зэла.

Уолтер только тяжело вздохнул. Он не знал, что сказать.

Все постоянные посетители «У Мадлен» и все работники паба знали, почему он не называется «У Хенрика».

Никто из них не видел Мадлен. Она умерла тридцать лет назад, во время последнего плавания Хенрика. Именно тогда он потерял ногу в сражении и возвращался, не зная, как сказать молодой жене, что ее муж теперь калека. Тогда еще не было механических протезов такого качества. И механических кукол тогда только начали делать. Выходили они неуклюжими, с фарфоровыми лицами.

Но оказалось, что Хенрику некому сообщать плохие новости. Уолтер так и не узнал, умерла Мадлен от болезни или ее убили. Но Зэла показывала ему фотографию. Среди множества фотографий и картинок в рамках, украшавших стены, эта ничем не выделялась. Девушка на ней навсегда застыла в насмешливом полупоклоне. На ней было старомодное длинное платье с корсетом, но длинные волнистые волосы ее остались распущенными, и даже шляпку, обязательную для дам тех лет, она не надела. «Хенрик очень ее любил. У него не было женщин с тех пор, ни одной. Какая-то лебединая верность, или медвежья – уж не знаю, как у них там», – проворчала Зэла, но Уолтер видел, что она искренне сочувствует Хенрику. Они оба не могли разглядеть в лице на фотографии то, что видел там Хенрик, и стекло заслоняло Мадлен от мира так же верно, как могильная плита.

Когда открылась фирма «Механические Соловьи», Хенрик даже не думал туда идти. Они обещали ему не спасение – не могли они вернуть его Мадлен. Только сделать бездушную механическую куклу с ее лицом. Наделить ее не душой Мадлен – воспоминаниями Хенрика о ее душе. Но шли месяцы. Царапающая мысль о коротком утешении все больше и больше разрасталась в сознании. К тому времени у Хенрика был его паб, нетронутые «выходные» после его увольнения с корабля и сбережения на счете. Он мало тратил на себя, не видя в этом смысла. Видимо, одиночество и отчаяние сделали свое дело – Хенрик принес «Механическим Соловьям» все фотографии Мадлен, ее дневники и исписанный крупными почерком блокнот – все его воспоминания о жене, каждой ее привычке, выражениях ее лица, движениях. И пластинку с записью ее голоса он тоже принес.

Хенрик никуда не выходил с Мадлен – это было запрещено договором с фирмой. Но почти никто из владельцев механических копий своих близких и не хотел показывать их людям, предпочитая хранить эту зыбкую ложь от чужих глаз.

К тому же Хенрик не хотел смотреть на себя с Мадлен со стороны. Ведь каждый взгляд прохожего, каждое отражение в витрине могли послужить ему напоминанием, что все это лишь

игра. Хенрик ради Мадлен не только потратил все свои сбережения, но и влез в долги. Он говорил, что его Соловушка оставалась вечно тридцатилетней. Так как детей у Хенрика не было, после его смерти Мадлен должны были просто отключить и утилизировать, хотя некоторые завещали хоронить «соловьев» вместе с собой или покупали им места на кладбище.

Но напоминание о том, что человек, с которым ты живешь, вовсе не человек, а его механическая реплика, считалось жестокостью, а в случае герра Унфелиха еще и нарушением служебной этики.

– Пес с ним, Хенрик. Что нам за дело до него, мы ведь и правда никого не укрываем.

– Этот ищет «пташку», не «соловья». Я не слышал, чтобы «соловьи» улетали...

– Я не знал и того, что «пташки» улетают. Они разве не бездушные? От чего им бежать? – удивился Уолтер.

– Да кто же их знает. Спящий с ними, Уолтер, пересыпь лучше песок на другой поднос, а этот отдай Василике, пусть на кухню отнесет – все горелым провоняло, – сказал Хенрик.

– А я тебе скажу, Уолтер, от чего они бегут, если ты хочешь послушать, – прошипела Зэла. – Те люди, что ходят в бордели «Пташек», способны кого угодно...

– Зэла, прошу тебя, здесь посетители. В прошлый раз твоя пропаганда кончилась дракой, – скривился Хенрик, положив руку ей на плечо.

– А это все потому, что...

– Зэла, ради всего, что для тебя там свято, никто из нас не ходит в их бордели и не одобряет этого! И вообще, поменьше бы ты сейчас воевала с «Пташками» – жандармы и Пишущие всего города ищут убийцу одного из их владельцев, и не время показывать антипатию, – не выдержал Уолтер.

Напоминание о том, что, по слухам, происходило в «Пташках», для него было болезненным полуупреком. Он никогда не поддерживал этот бизнес, но он закрывал глаза на его существование, как и вся страна. Уолтер читал мемуары одного из офицеров жандармерии, где тот писал о благотворном влиянии «Пташек» на уровень преступности. Как только появилась возможность недорого и безопасно удовлетворить самую грязную свою фантазию, вплоть до реалистичного убийства, на улицах стало гораздо спокойнее.

Все это успокаивало совесть. А потом появлялась Зэла или вот такой жандарм с неожиданными новостями о том, что «пташки» иногда улетают.

В такие моменты Уолтер почему-то начинал чувствовать себя виноватым.

– Вот от того, что мы их не показываем... – проворчала Зэла, впрочем, оставив скользкую тему.

– Ой! А кофе-то фрау ведьме я так и не отнесла! – вдруг сказала Василика, виновато глядя на чашку с остывшим напитком. – Уолтер, поставь еще, я пойду извинюсь и пообещаю ей комплимент... Ее нет, герр Хенрик! – расстроено всплеснула она руками, обернувшись к залу.

Стол, за которым сидела Сулла, был пуст. Василика выглядела искренне огорченной. А вот Уолтер и Хенрик испытывали немного другие чувства.

– Она... улетела? – тихо спросил Хенрик.

– Надеюсь, просто не дождалась кофе.

– Настоящая чародейка подожгла бы стойку, если бы о ней забыли.

– Но ведь мы оба видели, как она колдовала, Хенрик, – напомнил ему Уолтер об их общей лжи.

* * *

Мия появилась в пабе в семь часов вечера, точно как и обещала в последней записке. Мия играла на скрипке, но консерваториям и театрам предпочитала улицы и пабы.

Когда Уолтер после знакомства с Мией попытался вспомнить ее лицо, ему с трудом это удалось. В ней было слишком много деталей, которые отвлекали. Уолтер слышал, что она жила с Идущими и переняла немало их привычек.

Мия была яркой. Ее яркость балансировала на грани вульгарности, но на памяти Уолтера ни разу не пересекала ее. Мия любила пышные юбки до колен, никогда не носила корсетов, лишь иногда в угоду моде заменяя их широкими поясами или жилетами. Она любила блузки с широкими рукавами и надевала невероятное количество браслетов и колец, но Уолтер ни разу не видел на ней бус или ожерелий. Волосы она не красила, оставив им простой темный цвет. Зато она любила птичьи перья. Их она вплетала в косы, иногда так густо, что становилось не видно волос.

И за всеми этими побрякушками и пестротой Уолтер не сразу обратил внимание на ее лицо. Но когда обратил, уже не смог забыть. Мия была бледной, с едва заметными веснушками. Острый подбородок, высокие скулы – именно к таким лицам он привык на Альбионе. Но таких глаз, как у Мии, не было ни у одной из альбионских аристократок. Зеленые у зрчка, они становились почти голубыми к ободку. «Как морские волны», – с восторгом думал Уолтер.

Впрочем, насколько он знал, Мия была из тех женщин, в которых постоянно кто-то влюбляется, и не из тех, кто отвечает взаимностью. Никто даже в портовом пабе, эпицентре сплетен, не знал, был ли у нее хоть один роман. Уолтер не хотел себе признаваться, но особенное удовольствие ему приносили мысли о том, как его отец отреагировал бы на подобные симпатии.

– Уолтер! Как настроение? Мы сегодня будим в душах лучшее силой искусства? – широко улыбнулась она.

– Я думаю, мы сегодня играем так, чтобы людям было не стыдно, что они не всегда хотят лучшего, – улыбнулся в ответ Уолтер.

Мия рассмеялась и протянула ему руку. У нее была маленькая и горячая ладонь и сильное, почти мужское пожатие.

– Значит, мы играем и поем сегодня про алкоголь, море и девок? – уточнила она.

– Про все, что здесь свято. Забыла, что мы еще проявляем антипатию к правительству, рассказываем про нашу общую нелегкую долю и воспеваем милых барышень, ждущих на берегу.

– Отлично, это я люблю! Хенрик, дорогой мой, здравствуй! Уолтер говорит, что мы сегодня поем матросские песенки, бранимся и похабничаем. Мне для этого нужен грог, только лей побольше рома!

– Ты, Мия, как всегда, очень мила, – добродушно проворчал Хенрик, ставя в горячий песок глиняный кувшин.

– Что поделать, родители дали мне хорошее образование и выучили играть на скрипке, но совсем забыли привить изысканные манеры.

Мия села за стойку и тут же перегнулась через нее, приносиваясь.

– Ты добавил мне в грог вишневый ликер, – заявила она. – Я люблю тебя, Хенрик. Просто знай, что я тебя люблю.

Уолтер вдруг почувствовал, как окружающий его мир обретает особенно яркие очертания. Всего на секунду он особенно ясно ощутил все, что происходит вокруг.

На улице – сырой и промозглый ветер, но этот ветер дует с моря, и дует он где-то за стенами паба. В пабе горит жаркий очаг и зажжено множество свечей – Хенрик экономил на электричестве. Голоса людей вокруг сливаются в один монотонный гул, потому что ни один из голосов не несет в себе угрозы. С кухни пахнет свежей выпечкой и готовящимся рагу, а на плите за стойкой в роме и чае расходятся пряности. Сам Уолтер растрепан, на нем старая рубашка и мятый жилет, а на брюках нет стрелок. Рядом с ним Хенрик, которого он искренне считает своим другом, и Василика, которая точно знает, что мужчины, сходящие с кораблей, тоскуют по запаху вереска.

Не было Альбиона с его вечными туманами, официальными приемами и бессонными ночами, когда Уолтеру казалось, что на него смотрят сотни внимательных, оценивающих глаз. И не было его брата Джека.

Зеленоглазый Джек, надежда родителей, старший сын. Талантливый врач, который очень любил ходить в темноте по туманным альбионским улочкам. Он не просто остался где-то в другой жизни. Уолтеру показалось, что его вовсе никогда не существовало.

Имели значение грог, Мия, ее сладковатые духи, Хенрик со своей механической Мадлен и Зэла, играющая в кости с матросами. А все, что было на Альбионе, пусть там и остается.

– Уолтер, ты будешь сидеть и мечтательно улыбаться или дашь мне мелодию? – улыбнулась Мия, наклоняясь к нему.

От нее пахло апельсиновой цедрой и вишневым ликером.

– Конечно.

Уолтер поднял гитару и простучал по ее корпусу короткий ритм, а затем взял первые аккорды.

– Как тяжело, коль приходит осенняя пора, и в ней вовсе нету счастья и нет в ней серебра...

Мия, не вставая со стула, легко взмахнула смычком.

Посетители отрывались от своих кружек, поднимали глаза к стойке. Многие улыбались в ответ на улыбку Мии, которая играла незатейливую мелодию, легко качая головой в такт музыке и не забывая подмигивать публике.

Уолтер, напротив, был серьезен. Он заметил, что такие простые песенки захватывают куда больше, если поначалу сохранять каменное выражение лица и петь, тщательно выводя каждый такт.

Допев первый куплет, он обвел людей мрачным взглядом, а потом широко улыбнулся и ударил по струнам, сломав ритм для припева. Посетители отозвались одобрительным гулом. Кто-то начал подпевать.

– Ах, альбионская коса,
И древко из Лох Са,
Точильный камень да доска,
И горсть помельче бы песка!

Мия встала со стула и медленно пошла по залу, не переставая играть. Уолтер видел, как она прикрыла глаза, полностью отдавшись ритму сплетенных мелодий и звуку его голоса. Может быть, из-за таких моментов Уолтер и тосковал по этой женщине. В этот момент между ними возникала особенная близость, такая вибрирующая и крепкая связь, какой, может быть, не дала бы даже любовь.

Самозабвенность Мии заставляла верить ей, тянуться к ней и попадать под ее чары.

– А у меня есть новые,
Новые-преновые,
Новые ботинки!

Уолтеру нравилось, что люди здесь были простыми. Попробуй он петь про счастье обладать хорошей косой да парой новой обуви на Альбионе – его бы заперли в сумасшедший дом, а здесь он смотрел в зал и замечал все больше искренних улыбок. Некоторые начинали выстукивать ритм кружками по столам, один из моряков, молодой и черноволосый, подпевал ему громче остальных. Девушка в голубом платье, сидящая рядом, смотрела на спутника с такой нежностью, что Уолтеру стало завидно.

Мия кружилась в центре зала, и на ее красной шелковой юбке растекались отблески огня, а ее браслеты тихо звенели в такт движению смычка.

В тот вечер Уолтер много пел, много играл и много пил. От медных гитарных струн начали болеть пальцы, а голос все чаще приходилось подкреплять грогом, в который Хенрик, кажется, лил все больше рома.

– Мия, почему ты не носишь ничего на шее?

– Не люблю ошейников.

Алкоголь смывал все слова и растекался обжигающей пленкой под кожей. Уолтер был не настолько пьян, чтобы хуже играть или чтобы у него заплетался язык. Он был пьян ровно настолько, чтобы в его голосе звенела безрассудная, легкая радость.

Уолтер еще не научился без выпивки полностью забывать о своем прошлом и расправлять пружину, с раннего детства сжатую в душе.

Мия пила наравне с ним, танцевала, иногда откладывая ради этого скрипку. Когда она танцевала, надевала на руку инструмент с Южных Берегов, похожий на два плоских черных камня. Его щелчками она поддерживала ритм, выплетаемый гитарой.

Стук ее каблучков.

Удары кружек по столам.

Звон браслетов.

Дыхание.

Биение сердец.

Весь паб был насквозь пронизан ритмами, которыми наполняли его Уолтер с Мией. Песни были простыми, но напоминали грог, который варил Хенрик. В их простоте каждый видел что-то свое, и пьянили эти песни так же верно, как ром и пиво, которые не забывала разносить Василика.

– Уолтер, давай немного успокоим ребят? Пора заканчивать, а я боюсь, что нас не отпустят спать, – обратилась к нему Мия под конец вечера.

Ее высокая прическа слегка растрепалась и потеряла часть своих перьев. На щеках появились красные пятна, особенно заметные на бледном лице, а глаза лихорадочно блестели.

– Кажется, ты сама не хочешь заканчивать, – улыбнулся ей Уолтер.

– Я всегда ухожу раньше, чем мне захочется, – задумчиво отозвалась Мия, и от ее слов повеяло странной тоской.

– Тогда... мы похабные песенки пели?

– Пели, – кивнула Мия, забирая у Хенрика одну чашку кофе и подвигая вторую к Уолтеру.

– Спасибо. Еще мы пели про алкоголь, про то, какое у нас паршивое правительство, про море, про работу, снова про алкоголь...

– И снова похабные песенки.

– Это была твоя идея!

– Все мои идеи удачны, – промурлыкала Мия и, прищурившись, отпила кофе.

Одна из последних песен, чьи аккорды ко всеобщему восторгу взяла Мия, считалась неприличной даже для портовых пабов.

– Хорошо... Кого мы забыли?

– Милых барышень, ждущих на берегу, – зевнула Мия.

Кофе у Хенрика выходил совсем не таким, как у Уолтера. В чашке было нечто черное, густое, приправленное алкоголем и перцем. Один глоток согрел изнутри и возвращал ясность мыслей.

– Тогда побудь милой барышней, а я тебе подыграю, – предложил он, поднимая чашку.

– Идет. Надо же иногда вспоминать, как это делается.

Мия залпом допила кофе и развернула стул к залу.

Уолтер, подумав, взял первые аккорды баллады.

– Одной безлунной ночью, когда спала луна,
Лежала я в каюте и мысль мне пришла,
Пускай мое сознание вдаль заберет мой сон,
Команду я увижу, и море с кораблем.
На корабле том Франклин, как прежде, он красив,
Как прежде, он удачлив и он, как прежде, жив...

Шум затихал. Никто не подпевал и не стучал по столам, никто даже не говорил. Василика стояла у стены, опустив пустой поднос и слушала, изредка вытирая глаза рукавом.

Голос Мии был печальным, глубоким и темным, как море. Иногда в нем дрожали слезы, а иногда – отчаянная надежда. Уолтер играл и ясно чувствовал настроение почти всех сидящих в зале мужчин – каждому в этот миг хотелось зваться лордом Франклином, пусть даже и мертвым. Зато прекрасная девушка с печальными глазами любила бы его сквозь смерть.

– Мне тяжело мое бремя, до стона и до боли,
Но перейду пути я, пересеку я море,
Мне золота не жалко, но я прошу: скажи,
Что где-то там мой Франклин навек остался жить...

Слова повисли в воздухе золотящейся взвесью. Уолтер еще перебирал струны, доигрывая балладу, а Мия замолчала и повернулась к нему. Она смотрела на него со странной смесью грусти и интереса, и Уолтер старался не поднимать глаз от гитары, потому что даже невидимым этот взгляд обжигал. Если он посмотрит Мие в глаза – точно не сможет закончить песню.

Наконец, мелодия оборвалась.

– Все, господа, мы закрываемся! – объявил Хенрик, когда стихли аплодисменты.

Василика собирала деньги с тех, кто еще не успел расплатиться. Уолтер и Мия сидели у стойки, чувствуя, как сегодняшний вечер уходит, теряя свои чары и свой пьянящий жар.

Люди выходили, открывая двери в промозглую синюю темноту. Кажется, даже свечи потускнели.

– Не хочу, чтобы сегодняшний вечер заканчивался, – вдруг сказала Мия, прикасаясь к его запястью.

– И что же ты предлагаешь?

– Ты снимаешь комнату здесь?

– Да...

– Ну, так пошли, – меланхолично сказала Мия, допивая остывший грог.

Уолтер поднял глаза и встретился с ней взглядом. Мия улыбалась. Скрипка лежала рядом с ней на стойке, и Уолтер только сейчас понял, что зачем-то продолжает держать гитару в руках.

– Побуду милой барышней.

– А я тебе подыграю, – пообещал ей Уолтер.

Их обоих устраивала такая игра.

Глава 3. Сорока

Утром в окна проникал особенно чистый и белый свет. За ночь похолодало, и выпал первый в этом году снег, к обеду обещавший оставить после себя только влажные тротуары и крыши.

Уолтер спал, но даже во сне он чувствовал присутствие Мии, шекотавшей дыханием его шею. Ему ничего не снилось и ничего не тревожило. Его сон наполнился чем-то теплым, серым и ласковым, как морские волны. Позже Уолтер, вспоминая тот вечер, ночь и короткое бело-снежное утро, поймет, что это был первый в его жизни момент совершенного, безмятежного счастья.

Перья в прическе Мии крепились к тонкой черной ленте и несколькими заколками. Когда она вытащила их, Уолтер впервые увидел ее с распущенными волосами. Ему показалось, что это удивительно интимный жест, едва ли не более интимный, чем все, что должно было произойти дальше.

У нее были горячие губы, сладкие от вишневого ликера. Сильные руки с тонкими пальцами, уверенные движения. Мия знала, чего она хочет, и чувствовала, чего хочет Уолтер. Он понял, что ошибался – любви она отдавалась не менее самозабвенно, чем музыке. Все ее кольца и браслеты удивительно быстро оказались рассыпанными по полу, а ее привычка не надевать корсетов в ту ночь вызвала у него еще больше симпатии.

Когда-то отец говорил ему: «Никогда не верь моменту. Он ярко горит, но, сгорев, оставляет после себя лишь свою ложь».

Уолтер никогда не хотел жить так, как говорил ему отец. Каждый галстук казался ему удавкой, накрахмаленные манжеты – кандалами, а каждый запрет – грузом на кандалах.

Но в то утро Уолтер был вынужден признать правоту своего отца.

Сначала стук в дверь был тихим и робким – таким, что был не в силах нарушить сна Уолтера и Мии. Потом стук стал немного настойчивее, а затем стих, сменившись приглушенными рыданиями. Уолтер не мог видеть, как девушка, стоящая за дверью, устав стучать, бессильно опускается на пол и плачет, уткнувшись носом в подол клетчатой шерстяной юбки.

Зато это прекрасно видела Зэла, собиравшаяся спускаться к завтраку.

– Ты, девонька, не по музыканту нашему слезы льешь? – спросила она, останавливаясь у двери.

Девушка только кивнула, не поднимая головы и стараясь, чтобы оборки ее бежевого чепца падали на лицо.

– Так не плакать надо, а стучать громче: он вчера выпил весь запас рома у Хенрика, – ободряюще улыбнулась ей Зэла. – Сейчас сделаем. Уолтер! Уолтер, просыпайся, кобель, к тебе гости!

От ее голоса проснулся не только Уолтер, но и остальные жильцы. Дверь соседней комнаты приоткрылась, и из-за нее показалась одна из постоялиц – пожилая леди в длинной бело-снежной рубашке.

– Нельзя ли потише?!

Ответ, которым ее удостоила Зэла, был достоин бортового механика, но вряд ли достоин благовоспитанной фрау.

Впрочем, к Зэле даже дежурным «фрау» обращались только льстивые торговцы, а назвать ее «благовоспитанной» язык не повернулся бы даже у них.

Все это время она не переставала стучать.

– Зэла, может, ты перестанешь долбить по открытой двери – голова болит? – попросил ее Уолтер, наблюдавший за отповедью, стоя в проеме.

– Вот, тут ребенок рыдает, пока ты дрыхнешь, – она обвиняющим жестом указала на все еще сидящую на полу заплаканную девушку, а потом подошла к ней и, схватив ее за плечи, заставила встать, после чего подтолкнула к Уолтеру.

– Разбирайся со своими женщинами, а я скажу Хенрику, чтобы он сварил тебе кофе, – ободряюще улыбнулась она и направилась к лестнице.

– Спасибо, Зэла, – скептически ответил Уолтер. – Пстой минутку, хорошо? – попросил он девушку.

– Не надо, я уже уйду, – раздался у него из-за спины голос Мии.

Она уже успела одеться и даже заплести косу, не забыв вплести в нее ленту с перьями.

– Мия, я... – растерянно начал Уолтер, но она жестом остановила его.

– Все хорошо. Увидимся, когда я в следующий раз приду сюда играть, – сказала она, выходя из комнаты.

В ее голосе не было ни единой эмоции, но на пороге она выронила одну из заколок, которые держала в руках, и Уолтер заметил, что поднимая ее, Мия заглянула в лицо стоящей рядом с ним девушке.

Дверь Мия закрыла за собой не громче, чем это позволяли приличия.

– Чудно, – вздохнул Уолтер. – Чего ты хотела, дорогая?

Он быстро застелил кровать бордовым шерстяным пледом и взмахом руки предложил девушке сесть. Сам он сел на единственный в комнате стул, который служил ему вешалкой.

– Уолтер... спаси меня, – тихо сказала она, не поднимая лица.

– Что?

– Спаси меня, – повторила она, наконец поднимая на него полные отчаяния глаза.

– «У каждого из нас есть тайны, музыкант», – мрачно повторил Уолтер сказанные ему когда-то слова.

Меньше всего он ожидал увидеть ведьму, пропавшую после визита герра Унфелиха. Но сейчас она была еще меньше похожа на ведьму – шаманское платье и широкий пояс с амулетами сменила старая шерстяная юбка, простая рубашка и бежевый чепец, какие носили сейчас только пожилые горожанки. Неизменной осталась только темно-серая шаль грубой вязки.

– Сулла?..

– Меня зовут Эльстер, – тихо ответила девушка, снимая чепец.

Она обрезала волосы. Лицо ее с этой стрижкой сделалось еще более бледным и усталым.

– «Сорока»? Тебя зовут сорокой?..

– Да. Ты же знаешь, что это значит?

– Это значит, что ты либо воровка, либо...

– Пташка, Уолтер. Птичьи имена носят «пташки».

– Так это правда. Тебя искал жандарм.

Она слабо кивнула. Уолтер встал со стула и налил в стакан воды из стоящего на столе кувшина. Достал из кармана жилета небольшой пузырек из темно-красного стекла и перевернул его над стаканом. Отсчитав три капли остро пахнувшей мятой бесцветной жидкости, убрал пузырек обратно в карман и залпом выпил все содержимое стакана.

– Непередаваемая дрянь. Никогда так не делаю без острой на то необходимости, лучше уж похмелье, – сообщил он Эльстер, поднимая со стола кувшин и выливая остатки воды себе на голову.

Эльстер слабо улыбнулась. Уолтер, рассчитывавший именно на это, вытер воду с лица лежавшим рядом с кувшином полотенцем.

– Хочешь кофе? Есть? Я не знаю, нужно ли тебе...

– Нужно, Уолтер. Хочу. Уолтер, это все неправда, неужели ты еще не понял?..

– Тогда предлагаю отложить изобличающие разговоры до завтрака. В общий зал спускаться я тебе не предлагаю... Мне стоит ждать, что сюда вломятся жандармы?

– Нет, я... я пряталась, меня никто не видел...

– Отлично, тогда посиди тут немного, хорошо? Хочешь, я запру двери?

Эльстер кивнула. Уолтер, вздохнув, снял со спинки стула пиджак и, накинув его на плечи, вышел из комнаты.

Из зала раздавался восторженный голос Зэлы. Уолтер знал, что она не распускает о нем никаких сплетен, но все равно почувствовал легкое раздражение.

– Я же говорила, их Пишущие достанут кого угодно! Просто потрясающе – выйти на Полуночников, Управление жандармерии рвет и мечет! – с восторгом рассказывала она Хенрику.

– Хенрик, можно мне кофе и завтрак на двоих?

– Песок как раз разогрел, вари себе кофе, а Василика пока завтрак соберет, – кивнул он.

– А ты, я погляжу, времени вообще не теряешь, – усмехнулась Зэла. – Слышал, какие новости ты прокувыркался?

– Это не моя любовница, – заметил он, ставя джезvu в песок.

– Она – может, и нет, а ваш с Мией восхитительный дуэт...

– Ох, Зэла, ради всего святого, что у тебя есть! Я слежу за такими вещами, и кровать у меня не скрипит, перестань пытаться меня смутить, – улыбнулся он.

Бестактность местных жителей уже стала привычной, как и то, что женщины в бестактности не уступали мужчинам.

– Тебя смутишь, пожалуй.

– Так что я проспал?

– Конференцию Пишущих. Представляешь, редактор «Парнаса» пришла в костюме Полуночницы.

– Что?..

– Да, Лаура Вагнер пришла в черном костюме Полуночников, только с поднятой маской. Представляешь, какой скандал?

– Зачем ей рядиться в воровку и убийцу?

– Она еще и выступала в этом костюме. И представилась «Мальчиком-с-фонарем». Вышла на трибуну, повертелась перед камерами, а потом спросила, кто посмеет сказать, что она – убийца герра Хагана и его жены.

– Чтобы так эпатировать публику, «Парнасу» нужно точно знать, что Полуночники не имеют отношения к убийству.

– У нее было официальное заявление от их руководителя, представляешь? Понятия не имею, где они его достали. Официальное. Заявление. Главы самой скрытной криминальной организации.

– Это же «Парнас», – пожал плечами не особо удивленный Уолтер. – К следующей конференции они приведут нам убийцу. Ты же знаешь, что они сманили к себе почти всех лучших сыщиков жандармерии. А после того, как они перекупили одну из кайзерских шпионок... Но не думаю, что кто-то примет всерьез официальное заявление от главы лучших убийц и воров Кайзерстата.

– «Парнасу» и не нужно было, чтобы с Полуночников сняли подозрения, – задумчиво сказал Хенрик. – Они заявили, что жандармерия так увлеклась поиском невысокой и тощей Полуночницы – правда, я так и не понял, с чего они взяли, будто это и правда не мальчик, – что совсем забыли: герра Хагана мог убить и кто-то другой. К кому же все газетчики сразу сбросили со счетов версию о двойном самоубийстве, и жандармерия не может никого убедить в своей рабочей версии. Но если их все же убили, то сделавший это до сих пор на свободе только из-за общей халатности, о чем и говорила фрау Лаура.

– Что же они сами не найдут?

– Кажется, «Парнасу» интереснее подольше дразнить жандармерию, а не получить свою сенсацию и очередное подтверждение репутации самого надежного издания, – пожал плечами Хенрик.

– Вот! – Василика поставила на стойку поднос, на котором были расставлены два прибора и общее блюдо с жареными яйцами, сыром, тостами и холодным мясом. – А как зовут твою подругу?

– Мара, – наугад сказал он, очаровательно улыбнувшись.

– Странное имя, – наморщила носик Василика. – В моих краях так ведьму звали.

– В ваших краях всего одна ведьма? – спросил он, ставя на поднос две чашки кофе и кувшинчик сливок.

– Такая – одна, – пожала плечами Василика. – Хенрик, там двое требуют виски с перцем и сырым яйцом, они странные.

– А, готов спорить это из Скоттанда, там вроде такое пьют. Поправляются люди после вчерашнего, – усмехнулся он, разливая виски в два высоких бокала.

Уолтер взял поднос и вернулся к себе в комнату, радуясь, что ему не нужно поправляться такими странными смесями.

Удивительно, но здесь и правда почти не знали о том, что альбионская микстура от несварения снимает похмелье, будучи сильно разбавленной водой.

Правда, стоила она столько, что можно было не удивляться, почему кто-то предпочитает виски и сырые яйца.

Уолтеру пришлось поставить поднос на пол у двери, ругнувшись на себя, что не догадался оставить Эльстер ключ, чтобы она заперлась изнутри.

Когда он зашел, Эльстер лежала на краю кровати и, кажется, спала. Но услышав скрип двери, вскочила на ноги и сделала шаг к окну. Узнав Уолтера, она успокоилась и села обратно.

Он поставил поднос на край стола.

– Ты настолько боишься? – тихо спросил он.

От его благодушного настроения не осталось и следа. Утренняя болтовня постояльцев «У Мадлен» немного развеяла его тревогу, но ужас в глазах Эльстер быстро вернул ее обратно.

Она только кивнула, не поднимая взгляда от сцепленных в замок рук. Уолтер взял с подноса чашку и коснулся руки Эльстер кончиками пальцев:

– Держи. Ты же ко мне пришла – значит, меня ты не боишься?

– Нет... – прошептала она, забирая чашку.

– Ты... ты и правда боишься, – ошеломленно повторил он, становясь перед ней на колени и придерживая чашку.

Руки у Эльстер дрожали так, что кофе проливался на юбку.

– Конечно я боюсь, Уолтер! Все люди боятся...

– Послушай, я не знаю... Я ничего о вас не знаю, но...

– О ком «о нас», Уолтер? О механических девочках из борделей «Пташек», да? – с ненавистью выдохнула она.

– Я...

– Никто ничего не знает, Уолтер. Никто и ничего о нас не знает, – внезапно успокоившись, сказала Эльстер.

Она забралась с ногами на кровать и отпила кофе. Уолтер внимательно наблюдал за ней и никак не мог отделаться от липкого ощущения тревоги.

Он не имел дела с куклами. Ни с «соловьями», ни с «пташками». Но Эльстер вела себя как обычный человек – сменяющиеся эмоции на лице, жесты, то, как она довольно прищурилась, отпив кофе, делали ее похожей не на машину, полную шестеренок, а на уставшую и испуганную девочку.

Когда он еще жил на Альбионе и посещал раз в неделю светские приемы, ему приходилось выслушивать немало слов недовольства распространенностью механических «птиц» на Кайзерстате. В основном напирали на этику и религию. Прелат регулярно выступал с проповедями о том, что чародеи, когда даешь им волю, начинают посягать на то, что простым смертным не доступно – создание жизни иначе, чем через рождение детей. Альбионская аристократия брезгливо говорила о «механических девках этих дикарей». Дамы выдыхали свое презрение в кружевные веера, мужчины – в терпкий сигарный дым. Альбионские рабочие ходили в бордели Нижних Кварталов, где можно было найти себе кого угодно: женщину или девочку, мужчину или мальчика – настоящих, живых. Сколько из них работали в этих борделях добровольно и каковы были условия этой работы – никого не волновало.

Уолтер не знал, что на самом деле правильно. Он изучал этику в университете и блестяще сдал этот предмет, но глядя, как девушка в клетчатой юбке пьет кофе, сидя на его кровати, Уолтер не мог дать себе ответов на простые вопросы.

– Эльстер?..

– Что? – спросила она, ставя чашку на стол.

Она положила на тост кусок сыра, скептически оглядела, добавила еще сыра и несколько пластинок мяса.

– А ты бы перевернула черепашку, лежащую на спине посреди пустыни? – неожиданно для самого себя спросил Уолтер.

Эльстер перестала жевать и посмотрела с таким удивлением, что ему стало стыдно.

– Уолтер, если черепашку не перевернуть, она помрет, – ответила она ему тоном, каким обычно объясняют детям прописные истины.

Пару минут Уолтер смотрел, как она ест, пытаясь понять, какой из сотни вопросов нужно задать ей первым вместо глупостей про черепашек в пустыне.

– Почему ты пришла ко мне? – наконец, нашел он не самый волнующий и не самый главный, но показавшийся ему самым безобидным вопрос.

– Потому что я кое-что про тебя знаю, и ты сможешь мне помочь, лорд Уолтер Говард.

Уолтер взял со стола чашку с кофе, сделал глоток, смывая все слова, которые ему хотелось сказать. Посмотрел на Эльстер и холодно улыбнулся:

– Если ты «кое-что обо мне знаешь», то ты знаешь и то, что род Говардов после наступившего его позора – всего лишь бумаги, альбионское поместье, резиденция во Флер и оставшиеся счета и фамильные драгоценности. Хотя, может быть, и их уже арестовали.

– Прости, тебе, наверное, показалось, что я хочу тебя шантажировать, – расстроено произнесла Эльстер. – Нет, Уолтер. Мне помощь нужна, правда.

– И чего ты хочешь? – спросил Уолтер, поводя плечами, будто от порыва ледяного ветра.

Он готовился защищаться. Уолтер ждал этого дня с тех пор, как сошел на берег Кайзерстата. Ему казалось, что его узнают, что на него показывают пальцем, чудились шепотки за спиной и косые взгляды. Стоило ему избавиться от вещей и, к собственному удивлению, легко отказаться от привитых с детства манер – и он ощутил себя в большей безопасности.

Но в портовом городке Лигеплаце никому не было дела до опальных альбионских аристократов. Сюда заходили купцы с Южных Берегов, и золотистые борта их кораблей были укрыты экранами с невероятными узорами, а на мачтах вились десятки разноцветных флагов. Приходили дирижабли с Амиро, родины Атаро, учившей Уолтера варить кофе. Эти дирижабли были ярко-желтого цвета, они везли слоновую кость, специи и живых птиц с разноцветными перьями. Иногда в этот порт заходили пароходы из Морлисса – огромные стальные чудовища, на которых не было мачт и голограмм парусов, зато на их носу всегда были нарисованы глаза и оскаленная звериная пасть. На всех этих кораблях, воздушных и морских, прибывали самые разные люди. У некоторых была черная кожа, другие ходили в одинаковых для мужчин и женщин халатах, третьи носили медвежьи шкуры, четвертые не уступали в яркости одежд и эпатаж-

ности поведения Идущим. На их фоне Уолтер в своих круглых черных очках и мятой шинели терялся, как песчинка, подхваченная прибором.

Но ощущение близкого разоблачения не покидало его. Страхи оказались не напрасными.

– Я хочу, чтобы ты устроил меня работать, – просто ответила Эльстер.

– Что?..

– Я хочу, чтобы ты устроил меня работать. Горничной, посудомойкой, кем угодно.

– Тебе надо поговорить с Хенриком...

– Нет же, ты не понимаешь. Меня ищут, этот... Унфелих, жандармская ищейка, мои бывшие хозяева и их люди. И меня обязательно найдут. Мне нужно сбежать.

– Ты притворялась чародейкой, потому что куклы не могут колдовать. И надеялась так попасть на корабль, – догадался Уолтер.

Эльстер кивнула.

– У меня была штука, вроде хлопушки, выпускающей искры...

– И ты надеялась кого-то этим обмануть?! Сколько тебе лет?

– Девятнадцать, – удивленно ответила Эльстер.

«На шесть лет меня младше, а ведет себя, как ребенок», – с грустью подумал Уолтер.

– Послушай, давай поступим проще. Я куплю тебе любой билет, куда ты захочешь – у меня осталось немного сбережений. Если тебе так нужно на Альбион – дам тебе рекомендательные письма, но учти, что там подпись Говарда не котируется. Лучше езжай подальше, где никто не знает о скандале. Подпись альбионского аристократа будет иметь меньший вес, зато подпись Говарда будет иметь хоть какой-то...

– Уолтер, мне страшно... Я боюсь плыть одна. Меня ищут – одинокую девушку, пытающуюся покинуть город... Они знают, что у меня нет друзей и родных... А если ты порекомендуешь меня, то я вроде как уже не никто, а...

«Откуда у тебя взяться родным...» – подумал Уолтер. В следующую секунду ему стало мучительно стыдно за свою резкость, даже не высказанную вслух.

– Эльстер, мне нельзя на Альбион.

– Тебя там не ищут, мне говорили!

– Кто? – вкрадчиво спросил он.

Она пробормотала что-то неразборчивое, отвернувшись от него.

– Кто тебе про меня рассказывал, Эльстер? – повторил Уолтер, подаваясь вперед.

– Клиент! Доволен?! Боров с Альбиона, показывал твою фотографию на суде! Злорадствовал, сказал: вы давно заслужили! А я тебя узнала...

Уолтеру снова стало стыдно. Он был почти уверен, что Эльстер им манипулирует и к тому же врет. Но он верил в одно: ей и правда было очень страшно.

– А язык ты знаешь?

– Могу разговаривать, нас заставляли для иностранных клиентов учить. Писать не могу.

– Эльстер, я правильно понимаю, что ты просишь меня, незнакомого тебе человека, бросить все, сесть на корабль, отвезти тебя на Альбион и устроить работать к своему отцу, с которым я в не лучших отношениях? С чего ты взяла, что я соглашусь?

– Ты хороший человек, Уолтер. Просто поверь мне: эта история не такая, какой кажется, – загадочно ответила Эльстер, вытирая слезы рукавом.

– Ну, тогда расскажи мне.

– Я не могу. Пока ты ничего не знаешь – тебя никто не тронет, к тому же... Уолтер, такие тайны – большая ответственность. Тебе придется делать выбор, и этот выбор тебе не понравится. Уолтер, послушай, это всего пара недель и деньги, зато ты... ты человека спасешь. Они меня убьют, когда поймают, Уолтер.

– Ты трижды назвала меня по имени, – проворчал он, отпивая остывший кофе.

– Что?

– На уроках дипломатии меня еще в детстве учили, что если ты хочешь чего-то добиться от человека, нужно трижды назвать его по имени.

– Я в школе не училась, – хмуро посмотрела на него Эльстер. – Я умею читать, писать и знаю десяток дрянных стишков про любовь, для эстетов.

– Дипломатии не учат в школе, – тяжело вздохнул Уолтер. – Впрочем, это не важно. Где твои вещи?

– Какие вещи?

– У тебя что, ничего нет?

– Уолтер, напомнить тебе, откуда я сбежала? Хорошо, что у меня вообще была одежда!

– А где наряд чародейки?

– В море утопила.

– А где ты его взяла?

– Сперла, – просто ответила Эльстер.

– Ты... украла у чародейки одежду? – ошеломленно спросил Уолтер.

– Мне было очень надо, – просто ответила она.

– Но... у чародейки?

– Очень надо, Уолтер, – она выделила голосом первое слово, будто оно все объясняло.

– Может, ты и на корабль как-нибудь сама, раз тебе «очень надо»? – не удержался он от подначки.

– Я хорошо прячусь и быстро бегаю. Если меня найдут на корабле – мне придется очень много молиться, чтобы убежать по воде.

– Прелат говорит, что у вас нет души и Спящему вы не снитесь, – не удержался он.

– А у меня один мужик был, клирик, он говорил, что я – самое совершенное Его творение, – лениво отозвалась Эльстер.

Уолтер смотрел, как она ест, и представлял себе разговор с отцом.

Когда Уолтеру было шесть лет, он постоянно приносил домой бездомных котят и щенков. Это было увлекательной игрой – бдительные гувернантки следили, чтобы «молодой лорд» не подбирал с земли «всякую дрянь». Но он подбирал, и иногда ему даже удавалось принести их к матери или отцу. Он доставал из-за пазухи котят, из карманов – птиц с перебитыми крыльями, а один раз, к ужасу матери и всех гувернанток, принес живого крысенка. Удивительно, но именно крысенок – белый, с умными черными глазками-бусинками – и остался жить в поместье. Его забрала Атаро, и Уолтер был уверен, что она его убьет. Но вечером она позвала Уолтера к себе в комнату и показала ему проволочную птичью клетку, где в ворохе тряпок спал крысенок. Он вырос в огромного белоснежного крыса, никогда не убегал и любил Атаро, как не всякая собака любит своего хозяина. Уолтер видел, как крыс сидел у нее на плече, когда она читала, и водил мордочкой вслед за ее пальцем, скользящим по строчкам.

В двенадцать лет Уолтер впервые привел домой друга. Это был бездомный мальчишка по имени Хег. Пятнадцатилетний брат Уолтера, Джек, тогда не дал друзьям даже зайти в дом. «Уолтер, что скажет отец?» – тоскливо спросил он, и почему-то Уолтеру в тот момент стало стыдно, будто он сделал нечто противозаконное и отвратительное. «Мэдисон, выведите пожалуйста... молодого джентльмена с территории поместья и уже за оградой дайте ему подаяние, за которым он пришел», – спокойно сказал Джек мажордому. Хега Уолтер больше никогда не видел. Но попыток облагодетельствовать кого-то не оставлял.

Когда Уолтеру исполнилось пятнадцать, он впервые влюбился. Его семья с ужасом ждала этого события, потому что никто не рассчитывал, что он увлечется белокурой мисс Анной Сеймур или меланхоличной мисс Мери Лэньон, и даже на отличающуюся эксцентричностью мисс Хелен Борден никто не ставил. Всем было понятно, что Уолтер опять свяжется с кем-то не из своего круга.

Джейн Бродовски работала на швейной фабрике. Ровесница Уолтера, смешливая, рыжая, как белка, она курила самокрутки, не умела танцевать вальс, зато плясала пальку так, как никто на памяти Уолтера этого не делал. Именно ради нее он выучился играть мелодию этого танца на гитаре, впервые исполнив нечто кроме нудных романсов и баллад, которые ему с большим трудом прощали как причуду.

Естественно, что его увлечение никто не оценил. Уолтер помнил, как тяжело вздыхал Джек, пытаясь его образумить: «Уолтер, мы наследники древнего альбионского рода. Мы не можем ставить свои чувства и увлечения превыше долга перед своей семьей, как ты не понимаешь?»

Зеленоглазый Джек, умница-Джек, надежда рода Говардов. Рассудительный и мудрый, отрешенный, как истинный аристократ, с безупречными манерами, долгие годы прекрасно справлявшийся с ролью наследника рода. Такой, каким хотел бы видеть Уолтера отец. Такой, каким Уолтеру никогда не стать.

«Что теперь скажешь, папа?» – думал он, собирая саквояж перед отъездом.

Ему тогда было не важно, что скажет папа. Потому что он уезжал навсегда, поджигал все мосты, и даже из самого себя вытравил все, что делало его Уолтером Говардом. Оставил только имя, не сумев от него отказаться. Хотя оно и не подходило ему: «полководец» – большое имя, решительное. Для тех, кто умеет принимать решения, исходя из долга, а не из чувств.

«Как Джек?» – прошипел ехидный внутренний голос.

Что угодно, лишь бы не быть «как Джек».

Джейн Бродовски отец Уолтера предложил денег, чтобы она навсегда исчезла из жизни Уолтера. «Итак, сынок, твоя “вечная любовь” стоит примерно столько же, как три дня твоего обучения в колледже», – сказал тогда он, показывая сыну сумму в чеке. Унизительно маленькую сумму и унизительно беспощадную.

С тех пор Уолтер не пытался никого приводить домой. Заводил романы со студентками из Колледжа Изящных Искусств, отвратительно вел себя со знатными наследницами, строя из себя высокомерного сноба, презирающего всех вокруг.

И вот на его кровати сидит девушка с неровно обрезанными волосами, девушка в краденной одежде и с краденными минутами свободы. Механическая «пташка» из лигеплацкого борделя. И просит его прийти к отцу и сообщить, что он снова взялся подбирать на улицах «всякую дрянь».

Путешествие на Альбион займет десять дней по морю и шесть – на дирижабле, с пересадкой во Флер. Хенрик даст ему отпуск и, может быть, даже не сдаст его комнату. Это будет стоить Уолтеру половины его сбережений, и после уж точно придется экономить и снимать похмелье с помощью виски с яйцом и перцем.

Эльстер задумчиво разглядывала что-то на дне чашки из-под кофе.

Был ли отец Уолтера плохим человеком? Ричард Говард, офицер и ветеран войны на Севере, суровый и не терпящий нарушений этикета и церемониала?

Что с ним стало после казни Джека и бегства второго сына? Сквозь время побег уже не казался Уолтеру правильным решением.

Всю жизнь он был вторым. «Джек и наш второй сын», – слышал он с детства. На Джека – вся надежда, он – всеобщий любимец и пример для подражания. Уолтер – просто еще один мальчик, который вечно позорит отца и старшего брата.

Когда Джека арестовали, отец пришел к Уолтеру и сказал, что теперь он – наследник рода Говардов и что ему предстоит исправлять ошибки брата. Что на него теперь ложится еще больше ответственности, чем лежало на Джеке. Уолтер высказал все, что думал о своем новом положении, о Джеке и о роде Говардов. Вечером он забрал личные сбережения и несколько вещей и купил билет на корабль в Лигеплац.

Ему сказали, что это зеленый остров, где находится несколько резиденций влиятельных людей Кайзерстата. Что там красивые пляжи, развитая инфраструктура и люди, которые не задают вопросов. Уолтеру подходило. Язык он знал прекрасно и говорил почти без знаменитого альбионского акцента, четко проговаривая все звуки. Язык был похож на чеканный марш: Кайзер-стат. Ли-ге-плац. Уолтеру нравилась несхожесть с мягким и полупрезрительным языком Альбиона. Даже его имя здесь звучало резче и злее – Вальтер.

Эльстер. «Сорока». Совсем не похоже на большинство других слов на этом языке. Мягче, плавнее, и даже любимая на Кайзерстате «р» в конце мягко вибрировала, а не обрубала слово. Эльстер, которой нужна помощь. Эльстер, которая выбрала из сотен тысяч людей на Лиге-плаце именно того, кто никогда не мог пройти мимо бездомного котенка, и кого сумма в чеке для Джейн Бродовски ничему не научила. Того, кому, пожалуй, стоило наконец поговорить с отцом.

– Поехали, – просто сказал Уолтер. – Только сначала я соберу вещи и куплю тебе все, что нужно в дорогу. Ты не будешь воровать ни пока мы вместе, ни в доме у моего отца, если я устрою тебя туда, ни там, куда я тебя устрою, если к отцу не выйдет. Ясно?

– Уолтер! – обрадованно взвизгнула она, вскакивая с кровати и обнимая его за шею.

«Четверть века прожил, а из меня как вили веревки, так и выют», – усмехнулся про себя Уолтер, обнимая Эльстер, которая не думала его отпускать.

Она была теплой, и сквозь рубашку он чувствовал тонкие, выпирающие кости. Это металлический каркас?.. Никак не удавалось осознать, что он держит в объятиях искусную подделку. Скорее уж Эльстер напоминала ему котенка или щенка из тех, кого он подбирал в детстве на улице – тощее, несчастное создание, мгновенно отогревающееся в руках и начинающее оглушительно мурчать или вилять хвостом.

– Ладно, я еще ничего не сделал, – неловко сказал он, отстраняясь.

– Ты первый, кто пообещал мне что-то, и правда, хорошее. А можно еще кофе? У вас его так варят, я никогда не пробовала такой вкусный...

– Можно, – улыбнулся Уолтер, отчетливо понимая, что веревки из него будут вить до старости.

Ему все равно нужно было сказать Хенрику, что он отправляется в путешествие.

Глава 4. О тех, кто просыпается, и тех, кто засыпает

Уолтер сидел в глубоком кресле, обитом изумрудным бархатом, и пытался читать книгу. Кажется, это был старый трактат о Спящем. Черный осенний вечер Альбиона прилипал к оконным стеклам плотным туманом с запахом машинного масла и гари.

В камине, рядом с которым стояло кресло, тлели дрова янтарного дерева. Эта древесина не только горела долго и ровно, но и, сгорая, источала сильный медовый запах. Уолтер редко распорядился топить янтарным деревом, обходясь простыми сосновыми поленьями, но в этот вечер туман за окном пах особенно резко, к тому же ему хотелось покоя. Некстати вспомнилась рыжая Джейн Бродовски, так страстно шептавшая ему о вечной любви. Хотелось выпить, но даже алкоголь в этих стенах не приносил избавления.

Поместье Вудчестер было готическим особняком, почти век простоявшим недостроенным. Джеффри Говард, предок Уолтера, имевший притязания на альбионский престол, начал строить себе резиденцию, но был отравлен более прозорливым кандидатом, Морном Сеймуром, который утонул при невыясненных обстоятельствах спустя пару месяцев. Наследник Джеффри, Стивен Говард, был известным на всю страну богословом и не вложил в поместье ни одной монеты. Следующий Гордон оказался скрягой, и только Питер, далекий от политических амбиций, религии и бесконечного бухгалтерского учета наконец-то достроил Вудчестер. Выехав в него вместе с молодой женой и тремя детьми, он прожил в поместье целый год, а потом повесился в своей комнате, навсегда поселив свой призрак в мрачных коридорах.

Уолтер не верил в призраков, но в Вудчестере ему всегда было неуютно. Сегодня, пожалуй, особенно неуютно.

Ни янтарные поленья, ни заумные кружева слов трактата не могли отвлечь его от мрачных мыслей. Джек пропал неделю назад. Отец ничего не ел все это время, но дисциплинированно спускался к завтраку, обеду и ужину, чтобы сидеть перед полными теплыми фарфоровыми тарелками и молчать. Церемониал был в семье Говардов превыше всего. Уолтеру в такой обстановке кусок не лез в горло. Он пытался поговорить с отцом, но тот отмалчивался или отвечал односложно и невпопад. Иногда Уолтер замечал, что отец, не отрываясь, смотрит на его лицо. Тогда он впервые задумался о том, чтобы начать носить очки. У них с Джеком были одинаковые ярко-зеленые глаза. Отец просто тосковал по его брату и тревожился за него, ища на лице второго сына тень первого.

Уолтер сидел в кресле, глядя на раскрытую книгу и не читал ни строчки. Тяжелые мысли наполняли ядом, заставляя сердце биться медленнее, а веки тяжелеть, обещая тревожный холодный сон. Поэтому, когда раздался стук в дверь, Уолтер с облегчением стряхнул с себя липкое оцепенение, охватившее, словно паутина.

– Входите! – хрипло сказал он.

Когда дверь открылась, Уолтер не успел даже удивиться. Джек стоял на пороге, усмехаясь, как обычно. Он был таким же, как всегда. Высокий, темноволосый, в дымчато-сером пальто и изумрудном, в тон глазам, шарфе человек, пришедший в его комнату после недельной отлучки, был его братом.

Но в следующую секунду Уолтер понял, что ошибся. На пальто, на восково-бледном лице и даже на шарфе виднелись частые темные пятна. Человек, стоящий на пороге, смотрел на Уолтера со смесью ужаса и отчаяния. Джек с его белоснежными манжетами и усталым, непроницаемым лицом не мог быть этим человеком.

– Уолтер... Уолтер, спаси меня, – прохрипел он, протягивая к нему руки и падая на колени.

Тогда Уолтер окончательно понял, что сошел с ума.

И проснулся.

* * *

Свет, бивший в окно, был голубовато-зеленым. Вместо занавесок на окне висели гардины из разноцветных нитей. Если открыть окна, ветер, перебивавший их, заставлял плясать по стенам волны, превращая воздух в комнате в морскую воду. Уолтер, открывший глаза, несколько секунд смотрел в стену, пытаясь понять, где он находится и где сейчас Джек.

Ответы на вопросы были простыми, и нашел он их быстро. Он в пабе «У Мадлен», а Джек похоронен в фамильном склепе Говардов, недалеко от Вудчестера. Первый факт Уолтер осознал сразу, а второй он не мог осознать с тех пор, как уехал из дома после казни. И, кажется, просветления не предвиделось.

Стараясь не шуметь, Уолтер встал, недовольно поморщившись.

Спать на полу было непривычно жестко.

Даже во время короткой службы в армии, где происхождение обеспечило ему офицерский чин, Уолтер не терпел лишений.

Отец отправил его служить, рассчитывая, что младший сын сделает себе карьеру и не будет создавать Джеку проблем. Но Уолтер попросту саботировал все его старания, не желая связывать свою дальнейшую жизнь с армией. Его служба закончилась, когда его застали с одним из командированных к ним офицеров за игрой в Красную рулетку. Офицера звали Родион, и он рассказывал, что на его родине, в Гардарике, весь офицерский состав начинает утро с приставления револьвера к виску. «Кому повезет – на построение уже не отправляется», – усмеялся он. Впрочем, Уолтер не верил ни одному его слову, потому что давно понял, что чувство юмора у Родиона черное, как его мундир. Чего только стоили его рассказы о том, как он убил старушку топором, чтобы проверить, может ли он убить старушку топором.

Сейчас саботировать было нечего. Он уступил Эльстер кровать и лег спать на полу, несмотря на ее возражения.

Свободных комнат у Хенрика не осталось.

Уолтер потянулся, пытаясь снова почувствовать свое тело. Почувствовал, что под лопатку, кажется, за ночь вбили гвоздь. Усмехнувшись, он поднял одеяло и машинально начал скатывать его в рулон.

Эльстер спала, свернувшись клубком где-то в самом углу кровати, прижавшись к стене.

«Кажется, можно было не соблюдать приличий», – усмеялся он, садясь на край кровати, чтобы зашнуровать ботинки. И замер, глядя на спящую. Что-то было не так.

Ему потребовалась почти минута, чтобы понять, что его встревожило. Эльстер дрожала под тонким одеялом.

Уолтер нахмурился. Развернул одеяло, которое держал в руках, и накинул на нее. Подоткнул края.

Она, не просыпаясь, обняла угол одеяла и затихла.

«Итак, она боится, мерзнет во сне, ест, ей нравится кофе, она хитрит, радуется и манипулирует. Кажется, я догадываюсь, что она не хочет мне рассказывать, и да проснется Спящий, если это так!» – мрачно подумал он.

Ему не нравилась игра, в которую его втягивали. Но отказаться участвовать в ней он не мог, особенно если все было так, как он догадывался.

Уолтер мало знал о механических птицах. Зато много знал о молодых, амбициозных и честолюбивых ученых, которые, видя цель, забывали о средствах. Несколько десятилетий назад один из таких ученых, Эрих Рейне, набрал группу добровольцев среди нищих Нижнего Альбиона. Он искал калек, меняя надежду на исцеление на их участие в экспериментах. Сборник его дневников «Механические птицы не поют» был настольной книгой Джека. Уже на корабле,

на пути в Лигеплац Уолтер от корки до корки прочел труд, вдохновлявший его брата, пытаюсь найти ответы на свои вопросы. Книга ответов не дала.

Зато теперь Уолтер знал, как родилась идея совместить человека и механизм. Как писал сам Рейне: «Мы унизительно несовершенны. В лучшем случае, нашу жизнь обрывает старость, в худшем – болезни, насилие, истощение, роковые случайности. Скорее всего, мои часы меня переживут. Мои часы, если я буду следить за ними, перейдут к моим детям, и от них – к их детям. Шестеренки крутятся, пока действуют законы физики или пока не случится роковая случайность. Я верю в шестеренки больше, чем в Спящего».

Уже в Лигеплаце Уолтер прочитал еще одну книгу: «Ночной кошмар механической птицы». Ее написал один из первых инженеров, работавших над производством протезов. Это была книга-разоблачение, попытка создать сенсацию. Он писал, что Рейне лично калечил людей для своих экспериментов, и что прежде, чем прижился первый протез, не один десяток безвестных нищих умерли в мучениях. Но книга не имела успеха. Протезы к моменту ее выхода были общедоступны. Многочисленные ветераны Войны Журавлей тогда первыми получили их. Героям, спасшим страны Объединения, куда входили Кайзерстат, Альбион, Флер и Гардарика, от угрозы с Востока – от людей с лицами, закрытыми белыми масками, и с танцующими журавлями на мундирах, были не только выплачены щедрые премии: Эрих Рейне вернул им потерянные руки, ноги и даже глаза. Говорили, что первые монокуляры были болезненны в ношении и выглядели безумно, но зато они позволяли видеть. Эрих даже пытался работать со шрамами от взрывов, и тогда на улицах стали появляться люди с бездушными масками вместо лиц и настоящими глазами.

Спустя двадцать лет, уже стариком, Эрих Рейне представил миру Иви – первую механическую женщину.

Уолтер так и не понял, что в этой истории свело с ума Джека. Но к механическим куклам он испытывал противоречивые чувства.

В лице спящей Эльстер тоже не было ответа на его вопрос. Горько усмехнувшись, Уолтер подоткнул одеяло и тихо вышел из комнаты.

Спустившись, он обнаружил, что проснулся совсем рано. Заспанный Хенрик вяло салютовал ему кофейной кружкой размером с пивной бокал. Уолтер кивнул ему в ответ и вышел на улицу.

В воздухе чувствовалась прохладная морская сырость. Пахло солью, йодом и камнем. Уолтер сделал глубокий вдох, чувствуя, как море издалека тянется к нему, разливаясь в крови теплой дрожью. Запахнув поплотнее шинель, он направился на пляж.

Город спал, подернутый сероватой рассветной дымкой, совсем не похожей на мутный и тяжелый альбионский смог. Красные черепичные крыши, серые мощеные улочки, резные ставни на больших окнах с широкими подоконниками – все они спали, убаюканные далеким мерным шумом волн. Звуки шагов Уолтера терялись в утреннем тумане, не тревожа этого сна.

Скоро он вышел к пустому пляжу недалеко от порта. Именно сюда он ходил каждый день по утрам здороваться с морем, и ни разу никто не нарушил его одиночества.

Но сейчас у самой кромки воды стоял человек.

Уолтер сначала досадливо поморщился, но потом одернул себя: неужели человек, пришедший смотреть, как встает солнце над волнами, может быть дурной компанией?

Сначала ему показалось, что это девушка, но подойдя поближе, Уолтер понял, что ошибся. Мальчик лет двенадцати, высокий, ростом почти ему до плеча, стоял у самой кромки воды, заложив руки за спину и смотрел, как перекачиваются волны у самых носков его ботинок.

Уолтер хотел отойти и не мешать, но мальчик вдруг оторвал взгляд от воды и посмотрел на него. И улыбнулся:

– Этим вечером я усну, – просто сказал он.

У него были огромные, темно-серые глаза, цветом не отличавшиеся от волн, на которые он только что смотрел. Волнистые каштановые волосы до плеч, несколько веснушек на бледном лице, длинный нос, тонкие губы – Уолтер безошибочно различил его аристократическое происхождение, но мятый темно-зеленый шерстяной сюртук и старая рубашка с потрепанными манжетами говорили скорее о бедности.

– Зачем? – тихо спросил его Уолтер.

– У меня никого не осталось. Фрау Лецки, моя мать, вчера перестала сниться Спящему.

– Да увидит он ее в следующем сне, – машинально отозвался Уолтер.

Мальчик только кивнул и отвернулся к морю. Уолтер остался стоять.

В храмах Спящего во всех странах были особые служители, называвшиеся Сновидцами. Клирики говорили, что, когда человек засыпает, его душа отправляется в путешествие. Можно увидеть будущее и прошлое, можно увидеть другие миры и встретить тех, кого ты никогда не встретил бы в обычной жизни. Иногда находились те, кто поднимался по ступеням храма и навсегда закрывал за собой его двери. Они выпивали зелье, состав которого держался в строжайшем секрете, после чего навсегда засыпали. Говорили, их лица во сне оставались безмятежны, а дыхание никогда не нарушалось, но Уолтер еще на Альбионе убедил приходского клирика отвести его в комнату Сновидцев. Тогда он всерьез рассматривал для себя такой путь. Он увидел кровати, стоящие вдоль стен в темной комнате, и бредящих людей на них. Они что-то говорили, иногда взмахивали руками, а один мужчина надрывно выл, вцепившись зубами в край подушки. «Спящий дал ему тяжелую судьбу», – сказал Уолтеру клирик.

Клирики говорили, что Спящий направляет души к тем, кто в них нуждается. Что это способ помочь, изменить чью-то жизнь, обрести ее истинный смысл. Но Уолтер никогда не слышал, чтобы Сновидцами становились дети.

– Ты уверен, что хочешь этого?

– Нашу усадьбу продают за долги. От матери у меня остался только портрет и ее последние слова о том, что море поет колыбельную отчаявшимся душам. Смотрите, – сказал мальчик, доставая из кармана фотокарточку.

Мальчик был похож на мать. У нее было такое же бледное лицо, такой же нос и такие же губы, но линия подбородка была гораздо мягче, а скулы ниже.

– Но если... послушай, тебя ведь не отправят в работный дом, у нас есть хорошие приюты для...

– Я могу кому-то помочь, герр. Сделать чью-то жизнь лучше. Наш клирик, патер Родерик, говорит, что Спящий посылает душу Сновидца к тем, кто тонет в темноте.

– А ты религиозен?

Мальчик только горько усмехнулся:

– Хочу верить в то, что вечный сон окажется более осмысленным, чем эта жизнь. Я только надеюсь, что в том мире, где я окажусь, будет море. Но на всякий случай... пришел попрощаться.

– Я тоже прощаюсь, – признался Уолтер.

– Вы уезжаете?

– Да. И не знаю, когда вернусь. Всю жизнь тосковал по морю, а теперь снова приходится с ним расставаться...

– Вы вернетесь, – убежденно сказал мальчик, – и никогда больше не расстанетесь.

– Темнота тоже похожа на море, – тихо сказал ему Уолтер, снимая очки.

Ему почему-то не хотелось, чтобы мальчик думал, что он слеп и говорит о себе. А еще ему хотелось посмотреть ему в глаза не через черные стекла. Почему-то это казалось ему неправильным.

– Спасибо, – улыбнулся мальчик.

Кажется, он не поверил.

– Как тебя зовут?

– Марселл. Как парус.

– Я думаю, ты получишь свое море там, где окажешься, – пообещал ему Уолтер.

– Вы вернетесь на берег, и вам больше не придется уезжать. Верьте мне, я почти мертв в этом мире, мне доступно то, что недостижимо для других.

Уолтер видел, как подрагивали уголки его губ, когда он говорил. Он шутил над собой и своим скорым сном, давая ему надежду. С неожиданным раздражением Уолтер подумал, что клирики, говоря о помощи другим, позволяют детям взваливать на себя такую ношу. Разглядеть подобную отрешенность в ребенке оказалось крайне неприятно.

Он постоял рядом еще несколько минут, глядя на волны, потом опустился на колени и умыл лицо ледяной водой, как делал это каждый день. В последний раз посмотрев на мальчика, Уолтер развернулся и пошел к городу, решив не нарушать больше его одиночества глупыми словами.

Он снова надел очки, и мир стал немного темнее. Море шумело позади, и на душе отчего-то было удивительно паршиво.

* * *

– Доброе утро! – улыбнулась ему Василика, чуть приподнимая поднос в знак приветствия.

– Здравствуй, солнышко, – ответил он.

Людей в пабе было немного, и стояла удивительная тишина. Даже Зэла, сидящая за стойкой с большой глиняной кружкой, молчала.

– Доброе утро, Хенрик. Я что, пропустил вчера какую-то эпическую попойку? Что за тишина?

– Пароход с Севера в порт пришел – наверное, все глазают, – пожал плечами Хенрик.

– Нашли на что смотреть – тут южане на механической ладье приплывали, так на ней экраны во все борта, и вместо флагов или отражения волн, чтобы корабль спрятать, у них огромные цветы. Вот это эффектно, а что смотреть на это монстроподобное чадающее корыто с глазами на носу?

Уолтер пытался спрятать неприятный осадок от утренней встречи.

– Понятия не имею, но на пароходы северян пираты реже нападают – они же огромные и бронированные все, что твои носороги, – пожал плечами Хенрик.

– Зато пароход гораздо медленнее, и если там что-то сломалось – надо молиться, чтобы эта орясина дотянула до порта. Я как-то пыталась чинить паровой двигатель – ну, знаете, этот, на носу, который приводит в движение весла... А, впрочем, ладно. Скажу только, что даже механический линкор не доставлял столько проблем, со всеми своими мачтами, экранами и подъемным механизмом, – сказала Зэла.

Уолтер молчал. Отвлечься досужей болтовней не получилось. Ему казалось, что он будто уже не сидит на этом стуле за стойкой и не пьет обжигающий, терпкий кофе. Словно рвалась его связь с местом, где он был счастлив.

– Я скоро вернусь, Хенрик, – невпопад сказал он, пытаясь убедить самого себя в этом.

– Конечно, вернешься, Уолтер. Я твою комнату эти две недели никому не сдам, у тебя совести не хватит поступить иначе, – сказал Хенрик, неловко пожимая ему руку.

У Уолтера были руки музыканта, с тонкими запястьями и длинными пальцами. Под медвежьей лапой Хенрика его кисть скрылась целиком. Ощущение, что с ним прощаются навсегда, стало еще сильнее.

– Слушай, Уолтер, завтра ярмарка на главной площади – не желаешь сходить перед отъездом? – вдруг сказала Зэла.

– С тобой?

– Что я там забыла? Иди, посвети мордашкой, а мы с Хенриком, так и быть, объясним все молоденьким дурочкам, которые будут рыдать потом у тебя под дверь, – презрительно фыркнула она.

– Ты невыносима, Зэла. Как ты вообще стала такой колючкой?

– Моя досточтимая матушка, да приснится она Спящему в следующем Сне, утверждала, что я такой родилась, – пожала плечами она. – И купи своей девочке приличное платье – чего она у тебя ходит в таких тряпках, будто у какой-то нищенки с веревки с бельем попяченных?

Уолтер только тяжело вздохнул и закатил глаза.

Он не знал, с чьей бельевой веревки Эльстер украла одежду.

Долив кофе в свою кружку и взяв вторую, он поднялся в комнату.

Эльстер уже проснулась и сидела на кровати, замороженно глядя в стену, где плясали серо-голубые тени от колышущейся гардины.

– Я все понимаю, но ты не могла бы накинуть одеяло? – пробормотал он, отворачиваясь.

– Прости, у тебя занавесочки такие интересные, я засмотрелась, – ответила Эльстер.

Уолтер услышал шорох ткани и звук приближающихся шагов.

– Ух ты, кофе! Ты варил?

Она коснулась его пальцев, забирая чашку. Уолтер открыл глаза, тяжело вздохнул и закрыл их снова.

– Милая, не могла бы ты одеться?

– Так я же...

– Что-то, кроме рубашки?

– Зануда, – удивленно сказала Эльстер. – Ты же вроде с этой девицей в перьях...

– Мы старые друзья... – смущенно пробормотал он.

– А мы будем новыми друзьями, – ответила она, кладя руку ему между лопаток.

Прикосновение обожгло сквозь рубашку. Кажется, она только что держала чашку в этой руке.

– Да оделась я, перестань делать вид, что мы играем в прятки, – проворчала Эльстер.

Уолтер обернулся. Она сидела на кровати, одетая, и смотрела на него своим желтым взглядом, в котором Уолтер ничего не мог прочитать.

– Ничего не забыл? – вкрадчиво спросила Эльстер, делая глоток из чашки.

– Вроде бы...

– Еда, Уолтер. Ты же не оставишь девочку голодной?

– Не оставлю. А ты ответишь мне на простой вопрос.

– Ты хочешь шантажировать меня бутербродом? – обиженно отозвалась она, и Уолтеру немедленно стало стыдно.

– Нет, я отдам его тебе в любом случае, а ты будешь хорошей девочкой и мне ответишь, – сказал он, подавив желание оставить вопрос незадаанным.

– Ну... ладно, я попытаюсь. Про черепашек?

– Про еду. Я, честно сказать, читал только Рейне, но мне кажется... зачем тебе есть, Эльстер?

– Потому что на масле с бутерброда шестеренки быстрее крутятся, – серьезно ответила она.

– Я не шучу.

– Я тоже.

– Эльстер, послушай, меня терзают очень серьезные подозрения...

– А сделай так, чтобы они терзали тебя поменьше, хорошо? Вот тебе официальная версия: «пташки» едят и пьют, потому что полностью воспроизводят человеческие желания и потребности. Мы на ощупь как люди, мы пьем, едим, испытываем эмоции. Но это все ложь.

Как голограммы парусов на мачтах, мы только тени, обманки. Лживое отражение тех, кем мы никогда не будем.

В ее голосе слышалась черная, потаенная тоска. Уолтер сел на край кровати и протянул руку, коснувшись ее лица.

Несколько секунд разглядывал свои пальцы.

– А еще вы плачете, и у вас теплые слезы? Эльстер, ты мне не врешь? Скажи мне правду. Послушай, если ты человек...

Горько усмехнувшись, она закатала рукав до локтя.

– Дерни меня за руку, хорошенько. Не бойся, мне не будет больно. Да сильнее же!

Взяв ее за запястье, Уолтер со всей силы дернул за руку.

– Ну? Видишь?

У него в руках осталось нечто, напоминающее толстую кожаную перчатку. От зрелища слегка мутило – видеть изящную женскую кисть, лишенную костей, было неприятно. Эльстер пошевелила перед его лицом пальцами. Уолтер видел механические протезы, не прикрытые имитацией. Рука ее состояла из медных реек и золотистой проволоки, под которой на месте суставов крутились шестеренки.

– Можешь потрогать – протез горячий. Это нужно, чтобы кожа была теплой. Нас постоянно обслуживают, но на самом деле меня может починить любой инженер, работающий с протезами. Я – мечта Эриха Рейне, совершенный механизм. Все, чтобы человек, удовлетворяющий со мной свою похоть, не чувствовал себя обманутым.

– Эльстер... – прошептал Уолтер.

Он не знал, что сказать. Может быть, в попытке решить подобный вопрос и сошел с ума Джек?

– Я лучше живой женщины, Уолтер. Я не болею, не беременею, не старею, а еще со мной можно делать все, что угодно. Даже клирики отказались признать, что боль, которую я испытываю – настоящая.

– А ты испытываешь боль?.. Где в шестеренках прячется эта способность, Эльстер?

– В человеческом желании причинять боль и видеть достоверную реакцию. Не спрашивай меня, я не инженер. Но если хочешь – ударь меня. Клирики говорят, это не будет грехом. А хочешь... хочешь меня убить?

Медовые глаза Эльстер лихорадочно заблестели. Она подалась вперед, и Уолтер инстинктивно отшатнулся.

– Эльстер, я никогда никого не убивал, – твердо сказал он, чувствуя, как к горлу подступает желчь.

«Спаси меня, Уолтер!» – полоснул сознание голос Джека.

– Тогда... – хрипло прошептала она, – покорми меня, или мне грозит голодная смерть.

Эльстер забрала у него «перчатку» и начала деловито надевать ее на руку.

Спускаясь в зал, Уолтер подумал, что впервые по-настоящему солидарен с альбионскими клириками, и что он искренне ненавидит Эриха Рейне.

Глава 5. Апельсиновые цветы

Ярмарка открывалась рано утром и работала до поздней ночи. Уолтер был большим любителем поспать до обеда, а по ночам крепко выпить, но в последние дни ни того, ни другого он себе позволить не мог. К тому же, если он хотел не только сводить Эльстер на ярмарку, но и купить что-то приличное, делать это стоило с утра. В темноте, в неверном свете золотых электрических фонарей, приезжие торговцы выложат на прилавки все, что не смогли бы продать при свете. Купить ношеное пальто он мог в любой лавке старьевщика. Приличные вещи покупались днем.

В этот раз Эльстер спала на самом краю кровати, свернувшись клубком и свесив руку. Во сне у нее было удивительно серьезное лицо, и Уолтер невольно улыбнулся, в очередной раз поправляя на ней одеяло. Она постоянно раскрывалась, а потом замерзала.

Одеваясь, он размышлял, что ему этим утром важнее – чашка хорошего кофе или еще один рассвет на берегу.

Выбор был простым.

На улице только-только занималась заря. Сине-зеленые сумерки укрывали город, стирая очертания, и Уолтеру казалось, что Лигеплац ускользает, теряется в прохладном тумане с запахом соли. Над морем вставало солнце – далекая красная полоска на горизонте, похожая на порез, с которого течет в темную воду рубиновыми бликами густая кровь.

В порту утро уже началось. Уолтер увидел тот самый пароход, о котором вчера говорил Хенрик. Рядом с изящными парусниками с золотыми бортами и выключенными голограммами парусов пароход казался настоящим чудовищем, старым кашалотом, заплывшим в стаю дельфинов.

Пароход был огромен, почти втрое больше самого большого из стоящих рядом с ним парусников. Он выглядел так, будто вернулся из боя – краска на бортах облупилась, кое-где расплзалась пена ржавчины, а нарисованные на носу глаза и оскаленную пасть пересекала частая сетка глубоких царапин, похожих на шрамы. Весла были задраны над водой, словно паучьи лапы.

«Зрелище и правда... сюрреалистичное. А ведь его изобретатель, Джеф Финч, говорит, что за пароходами будущее. Неужели правда? Будет жаль...» – отстраненно подумал Уолтер.

У парохода он заметил пару десятков человек, таскающих с пристани на судно с мешки и ящики. Кажется, пароход готовился к отплытию.

Капитана можно было узнать без труда. Он походил на свой корабль и единственный стоял неподвижно. Огромный мужчина, ростом, может быть, даже выше Хенрика, с черными волосами, высеребранными частыми прядями седины. Уолтер успел подумать, что ему не меньше пятидесяти, но, когда мужчина обернулся, стало ясно, что это не так.

Он казался ровесником Уолтера. Лицо его было испещрено невероятным количеством шрамов, словно от осколков. От правого уголка губ к виску тянулся особенно яркий – белый, похожий на протянутую под кожей веревку.

«Кто же так криво тебя заштопал, друг? Неужели сам шил?» – подумал Уолтер.

– Что, интересно? – хрипло спросил его мужчина.

Уолтер подошел ближе.

– У вас необычный корабль. Простите, вас, наверное, утомили еще вчера.

– Я думал, ты слепой.

– У меня чувствительные к свету глаза, – привычно соврал Уолтер.

– Да ты прямо как стокер – ну, этот, кровосос. Смотри. «Ханда» любит, когда ею восхищаются, как всякая женщина. А сейчас она как никогда заслуживает восхищения.

Голос у него был таким низким, что Уолтер с трудом различал слова. Спустя пару секунд, привыкнув к его грубости, он понял, почему мужчина говорил так странно – этот ужасный голос выражал настоящую нежность. Он говорил о своем корабле, словно о любимой женщине.

Уолтера пугала «Ханда», но на ум пришли вчерашние слова Хенрика, что на пароходы реже нападают пираты.

Он всерьез опасался новых путешествий. На пути в Лигеплац их корабль трижды подвергался нападению за десять дней пути. Тогда Уолтер был один и только радовался поводу вступить в бой. Может быть, в глубине души он даже хотел тогда умереть, чтобы наверняка поставить точку в истории рода Говардов. Но сейчас он собирался везти с собой девушку.

Морские путешествия, в общем-то, всегда были опасным занятием. Справиться с пиратами было практически невозможно – везде находились озлобленные люди, готовые драться до последнего за надежду на лучшую жизнь. Уолтер знал, что многие из пиратов сбегали после первого же удачного захвата. Но многие оставались. Вела их жадность или жажда крови, быстро становилось не важным. Бывалые мореходы говорили, что глаза постоянно промышляющих пиратов начинают гореть странным, красноватым светом. Уолтер читал монографию молодого химика, Оливии Скотт, утверждавшей, что в воде содержится какое-то вещество, сводящее людей с ума. То, что влиянию этого вещества не были подвержены обычные моряки, она объясняла тем, что именно пираты реже заходят в порты, предпочитая как можно больше времени проводить на воде. Впрочем, насколько Уолтеру было известно, ее теория разбилась простым вопросом: «А что делать с жителями приморских городов?». Не всякая морская легенда имела под собой реальное объяснение. За дальнейшими прениями в этом вопросе он не наблюдал по простой причине – его роман с Оливией Скотт закончился, и закончен он был именно этим вопросом.

Не так важно, что делало пиратов такими беспощадными – главное, что в море было опасно. Так же, как и в небе.

– За что, кроме звериной харизмы и мощи, особенно заслуживает восхищения ваш корабль? – спросил Уолтер.

– Мы привезли партию товара из Морлисса. В основном – запчасти, а ты знаешь, сколько стоит каждая шестеренка с наших заводов. В Морлиссе беспорядки, мальчик. Там бунтуют рабочие, страшно бунтуют. Повсюду синие флаги, резня, улицы залиты кровью. Ни один бриг, ни один фрегатик не вырвался из порта, и даже не каждый капитан парохода рискнул... а моя девочка нас увезла. Когда я помру и отправлюсь в Ночь, помяни мое слово, мальчик: меня оттуда вывезет «Ханда»!

– Вы правы, герр...

– Рауль.

Он произнес свое имя как-то по-особенному, с долгим, раскатистым «р» и короткой «л» на конце.

– Вы совершенно правы, герр Рауль: вы и ваша «Ханда» заслуживаете общего восхищения. Удивительный корабль, смелый, без единого экрана!

Особо богатые купцы ставили экраны вдоль всех бортов, чтобы они отражали волны, делая корабль почти невидимым. Мачты либо прятались в палубу, либо вместо голограмм парусов на тонкие экраны, которые их транслировали, выводилось изображение неба и воды. Уолтер мало знал о кораблестроении и никак не мог понять, зачем кораблю нужны мачты, если нет настоящих парусов. Ему обычно называли две причины – верность традициям и возможность поставить настоящие паруса. Уолтер не знал, что нужно сделать с механическим кораблем, чтобы ему пришлось ставить паруса. Зэла однажды ответила на этот вопрос: «Утопить механика!», а потом как-то странно презрительно хмыкнула.

– Ты прав. Мы с «Хандой» никого не боялись и бояться не станем, а если случится тонуть – будем это делать с песней; да, моя девочка?!

И, словно отозвавшись на его слова, пароход зашелся протяжным гулом и выпустил черный зловонный дым из трубы.

– Куда вы едете, герр Рауль? – осторожно уточнил Уолтер.

– На Альбион!

– Прекрасно. Пусть ваш путь будет легким, ветер попутным, а море – пустым, – произнес он дежурную формулу, а потом, коротко кивнув, ушел с причала, не оборачиваясь.

Все его мысли о том, чтобы оправиться в путешествие на пароходе разбились о самоубийственную отвагу герра Рауля и в прямом смысле безумную любовь с кораблем.

«Ну его – лучше полечу на дирижабле. Если что – полетаю перед смертью, зато никто не решит плыть на пароходе в Ночь», – подумал Уолтер, спускаясь к пляжу.

Уолтер видел на улицах адептов Белого Бога – тех, кто проповедовал совсем иную религию и, насколько он знал, в Морлиссе, откуда явно был герр Рауль, многие уже примкнули к этой странной вере. Она казалась Уолтеру нелогичной. Вроде у них был некий безымянный Белый Бог, который не спал, а следил за людьми. И был его враг, его темная сторона, некая Чернота – не то жена, не то его женское обличье. Адепты верили что, когда зла в этом мире станет больше, чем света, мир укроет Вечная Ночь. А пока туда отправлялись те, кто совершал преступления или не соблюдал заповедей Белого Бога.

Уолтер считал это глупостью. Когда зла в мире станет слишком много – Спящий проснется, вот и все. Не нужно никаких наказаний и вечной темноты, ведь что может быть хуже, чем конец целого мира? И то, что Бог следит за людьми, сортируя их грешки, казалось Уолтеру странным. Богам не должно быть дела до людей, и самое страшное зло, совершенное человеком, в лучшем случае подобно звону комара. И однажды комар разбудит Спящего, а может, он не захочет досматривать сон о том мире, какой люди смогли создать. И тогда мира не станет. Клирики же, в отличие от адептов, просто пытались продлить сон Спящего, а не умиловить кого-то.

Занятый мыслями о странностях людских верований, Уолтер вышел на пляж. На этот раз здесь никого не было, и его кольнуло облегчение – не хотелось делить этот рассвет ни с кем, а еще ему было тяжело вспоминать прошлую встречу.

«Мальчик должен был уже уснуть. Интересно, где он проснется?..» – с горечью подумал Уолтер, снимая шинель и закатывая рукава рубашки.

Ледяная морская вода, соленая до горечи, была словно остывшие слезы на лице. Он умывался долго и особенно ожесточенно, словно стараясь смыть с себя лицо и Уолтера Говарда, и Музыканта Уолтера, позволив явиться на свет новому человеку.

«Удивительные глупости лезут в голову перед отъездом на две недели», – усмехнулся он, позволяя легкому прохладному ветру слизывать воду с лица.

Он вернется в Лигеплац, чего бы ему это ни стоило. Даже если придется стать похожим на герра Рауля.

«Не удивительно, что у этого человека полные волосы седины и все лицо в шрамах, если он во всем полагается на свой пароход, забывая об удаче и здравом смысле», – думал Уолтер, возвращаясь в паб и пряча лицо от внезапно ставшего слишком злым ветра в воротнике шинели.

* * *

– А я говорю – врут они, врут и не краснеют!

Голос Зэлы вырвался из уютного золотистого полумрака паба, словно первый порыв штормового ветра.

Хенрик за стойкой явно скучал. Уолтер поймал его умоляющий взгляд и усмехнулся. Разъяренная Зэла стучала свернутой в рулон газетой по стойке, и звук был такой, будто в газету завернуто что-то тяжелое.

– Это надо же сочинить такую ересь! Да мало ли подражателей на свете! Где этот свихнувшийся, как бишь, на их собачьем языке... Риппер, а где Полуночники?! К тому же ты прекрасно знаешь, что его поймали и повесили! О, Уолтер! Уолтер, поди сюда, ты куда мимо нас пытаешься просочиться?! Слышал новости?!

– Нет, – ответил Уолтер, недовольно скривившись и нехотя подходя к стойке.

– Очкиними, темно же, – сказал ему Хенрик, наливая кофе в огромную глиняную кружку.

– Глаза болят, лучше оставлю, – пробормотал Уолтер, делая глоток.

– Короче, слушай. Жандармы, значит, вчера вечером заявили: мол, герр Хаган сам застрелился, а перед этим жене горло вскрыл; все они изучили, раны там посмотрели, ножичек нашли и все такое. А Полуночица девочке якобы приснилась. Все, говорят, закрыт вопрос, расходимся, господа. И буквально пять часов назад находят еще два трупа. И знаешь чьи?!

– Чьи? – глухо спросил Уолтер.

– Герра Сатердика и его жены, фрау Мирабель, – трагическим шепотом произнесла она.

– Чудно. Кто эти несчастные?

– Уолтер, ты совсем? Это главный инженер «Пташек». И знаешь, на что это похоже?

– На убийство, Зэла.

– Это похоже на того полоумного, Риппера, который... Знаешь, что у фрау Мирабель лежало на коленях? Ее сердце!..

Раздался звон бьющейся посуды.

– Зэла, да чтоб тебя! – воскликнул Хенрик, с неожиданным проворством выходя из-за стойки и подхватывая на руки упавшую Василику. – Девочку напугала, она ушиблась, наверное. Просил же не говорить про такие вещи при ней, она же не как ты...

Хенрик усадил бесчувственную Василику в кресло у камина, достал из кармана какой-то флакон, перевернул его, зажав горлышко указательным пальцем, а затем осторожно провел им по ее вискам.

– Я чашки ваши разбила, герр Хенрик, – расстроено сказала Василика, открыв глаза.

– Ну и подумай, велика важность – чашки, – неловко усмехнулся он, доставая из-за стойки совок и метлу, чтобы убрать осколки. – Утром жандарм приходил, – ни к кому особо не обращаясь, задумчиво сказал Хенрик, замечая осколки в металлический совок.

– Унфелих? – хрипло спросил Уолтер.

– Да он самый. У, мерзкая рожа, где их таких набирают... Сказал, ему донос поступил и, кстати, знаешь, от кого?

– От кого?

– Да от любовницы твоей. Скрипачки, чтоб ей... Хорошая же девчонка, всегда мы дружили, что в голову пернатую ударило...

– Ты дал ему обыскать паб? – Уолтеру казалось, что небо упало ему на голову.

– Дал, как не дать.

– Нашел?

– Кого?

Уолтер не мог понять, врет ему Хенрик или нет. Лицо его было совершенно непроницаемым.

– Пташку, которую искал.

– Если ты спрашиваешь про ту славную девочку, которую ты без доплаты поселил у себя в комнате, то, естественно, Василика перед обыском вывела ее черным ходом, а потом вернула

обратно, – усмехнулся он. – Мы и не говорили тебе сразу, потому что все обошлось, а ты с утра и так нервный.

– Поэтому вы решили успокоить меня баечками про женщину с вырезанным сердцем? – Уолтер поставил чашку на стойку, чтобы скрыть нарастающую дрожь. Мелькнула мысль попросить у Хенрика виски, но потом он решил глотнуть из личных запасов в комнате, чтобы не выдавать того, как сильно его встревожили новости.

– Это все Зэла. Зато ее любимый «Парнас» уже выпустил статью – говорят, если бы жандармы быстрее шевелились и не искали какую-то мифическую Полуночицу, то ничего бы не было.

– И что жандармы? – из вежливости поинтересовался Уолтер.

– Жандармы... ищут Полуночников, – пожал плечами Зэла. – Не то свидетельницу хотят, не то... Кстати, ты знал – «Парнас» откуда-то достал фотографии, сделанные всего через несколько минут после смерти герра Хагана и фрау Марии?

– Может, их Пишущие Хагана-то и пришили? – невесело усмехнулся Хенрик.

– Выскажи свои подозрения Лауре Вагнер, и придется заказывать еще и механическую руку, – мрачно ответила Зэла.

Уолтер молча допил кофе и поставил кружку на стойку. Он не знал, какая новость была хуже: та, что в Лигеплаце орудует маньяк, которого связывают с недавно повешенным альбионским, та, что герр Унфелих снова появился «У Мадлен» или та, что Мия не просто обрвала все его надежды на романтическое продолжение истории, но и нашла способ отомстить. Уолтер вспомнил, как она заглянула Эльстер в лицо, поднимая заколку. Фотография Эльстер было в каких-то сводках и ориентировках? Ну конечно, как же иначе. Мия узнала «пташку» и заявила жандармам.

«Интересно, не потерял ли герр Унфелих свои очки, пока бежал допрашивать ценную свидетельницу?» – с неприязнью подумал Уолтер, вспоминая бесцветное лицо жандарма. Вот уж и правда «унфелих» – «безликий».

– Я пойду, обещал девочке одежду купить для путешествия, – тихо сказал Хенрику Уолтер.

Тот только кивнул, убирая под стойку его чашку.

– А еще говорят, Риппер-то не один был. Интересно, куда делся младшенький щенок этого песьего семейства?

Голос Зэлы догнал его, словно камень, брошенный в спину. Он медленно поднялся к себе в комнату, улыбнулся Эльстер, сидящей на краю кровати, потом запер дверь и очень тихо начал говорить. Говорил он минуты две, и с каждым словом изумление на лице Эльстер читалось все более и более явно. Закончив, он сделал глубокий вдох, поправил платок на шее и полез в шкаф.

– Ух ты, сколько слов ты знаешь. А что, этот Риппер, про которого ты говорил, правда этим с конями занимался? – спросила она, когда он закончил.

– Понятия не имею, – процедил Уолтер, доставая бутылку виски и зубами вытаскивая пробку. – У меня очень плохие новости, Эльстер: ты выбрала себе паршивого покровителя – я отправляюсь в бега. И нигде не буду светить свою подпись, пока местные тупицы, маскирующиеся под жандармов... Твою мать. Папа ведь наверняка не знает, что происходит, а если...

– Уолтер, ты чего?..

– Если бы прошло побольше времени, Эльстер. Если бы все успели забыть и не связывали каждого психопата, потрошащего людей, с безумным ученым с Альбиона... Но он появился слишком быстро.

– Я не понимаю, о чем ты. Поделись со мной виски, у меня тоже было очень плохое утро.

Уолтер протянул ей бутылку, вытащил из шкафа старый саквояж и начал собирать немногие имевшиеся у него вещи.

– Не бери в голову. Я еду... мы едем на Альбион, мне нужно поговорить с отцом. Полетим на дирижабле, так будет быстрее.

– Но... они же... падают...

– Куплю нам билеты на «Гиденбург», это один из старейших, ни одной поломки, – обнадежил ее Уолтер. – Вот, держи, это вообще-то мой шарф, но я не знал, что нужно купить женский платок. В общем, надень его на голову, концом лицо закрой, вот булавка. Видела, как женщины из пустыни носят? Где-то были запасные очки... Впрочем, возьми мои.

– Зачем? – удивилась она.

– Затем, что тебя ищут. И узнают – узнала Мия, узнают и остальные.

– А на ярмарку стоит идти? Не лучше ли...

– Магазины закрыты, разве ты не знаешь о договоре с организаторами ярмарок? Или ты собралась лететь в шали? Не волнуйся, чем больше людей – тем меньше шансов, что кто-то обратит внимание на таких оборванцев, как мы.

Он со шелчком закрыл саквояж, достал несколько монет из кармана и сунул их под подушку.

– Зачем деньги?

– За аренду. За две недели, и немного сверху, – горько улыбнулся Уолтер.

В небольшом зеркале на столе отражалось его лицо – бледное, с намечающимися тенями под глазами, и взглядом, полным изумрудной тоски. Он полюбил это место и всерьез рассчитывал, что город Лигеплац станет его домом. Но ошибся. Это Музыканта Уолтера можно было смыть ледяной морской водой. Уолтер Говард будет смотреть на него из-под любой маски.

Интересно, что подумает Хенрик? Испугается ли Василика, когда узнает, кем оказался их музыкант? Как долго будет ругаться Зэла, и заставит ли Хенрик перемыть все полы в заведении три раза, чтобы наверняка стереть его следы?

«Почему все не бывает просто...» – с тоской думал Уолтер.

Гитара осталась стоять на кровати. Сожгут? Выбросят? Зэла продаст как реликвию?

Эльстер молча взяла его за руку, и он с благодарностью сжал ее пальцы. Она вовсе не казалась ему обузой – он был рад, что новую дорогу начинает не в одиночестве.

...

Уолтер редко уходил далеко от порта, предпочитая море и общество работников и посетителей паба «У Мадлен» прелестям городской жизни. Но ярмарка проводилась в самом центре города.

Он, чтобы отвлечь Эльстер и отвлечься самому, купил два билета на открытую вагонетку, которые здесь ласково называли «лори». Они с тихим звоном мчались по башевым рельсам, оплетающим город своей паутиной, а на улицах, где башни не ходили, сдвигали колеса и становились на более узкие рельсы. Башни – дешевый транспорт – нещадно коптели и ходили редко. По сути, баш представлял собой маленький городской поезд – небольшой паровоз с прицепленным к нему вагоном. Уолтер путешествовал на полноценных поездах и помнил комфортабельные купе и живописные виды в чистых окнах, поэтому каждый раз испытывал легкое отвращение, видя на улице медлительный, коптящий баш с мутными стеклами и дребезжащий, как целый мешок гвоздей. Лори стоили дороже, но зато там помещалось всего два человека, и они почти не чадили.

На кассе ему предложили газету, но он отказался. От одного вида желтоватой бумаги и черных жучков букв на ней его мутило.

Эльстер молчала. Уолтер тоже не хотел разговаривать и только тоскливо смотрел на проносящийся мимо город. Ему снова казалось, что он ускользает от него, отвергает Уолтера Говарда, не желая иметь с ним никаких дел. Даже в окнах красных кирпичных домиков не выше четырех этажей, с цветами на подоконниках и коваными ажурными крылечками, ему мерещился укор.

«Ты обманщик, Уолтер Говард. Тебя приняли, тебе поверили. А что ты принес на улицы?»

«Я никогда никого не убивал», – молча отвечал им Уолтер.

«Спаси меня, Уолтер!» – упрямо звучал в ушах голос Джека. Звучал, звучал, и никак не хотел стихнуть.

«Ты сам выбрал! Ты сам так решил, какого же ты от меня хочешь?! Чего тебе не хватало – ты жил и свою жизнь, и мою, неужели тебе было мало?!»

«Спаси меня...»

А город пронесился мимо. Его деревья, маленькие, уютные кафе, где можно было выпить чашку кофе или крепкого чая. Именно в Кайзерстате Уолтер узнал, что чай бывает не только черным. Здесь было принято класть в напиток травы, фрукты и пряности в таких количествах, что вкус самого чая становился почти незаметен. Сидеть в тени раскидистого клена, не пряча от города взгляд в газете или книге или же в глазах своего собеседника, как это делали другие посетители кафе. Дышать вместе с городом. И рядом на круглом столике – укутанный в толстый стеганный чехол фарфоровый чайник.

Больше Уолтеру делать этого не придется.

Пронесились мимо многочисленные магазины и лавки. Каждый торговец старался выделиться, украшая фасад своего заведения. Здесь были резные вывески, расписанные узорами стены, а кто-то выращивал цветы вроде вьюнков прямо на стенах, заставляя их оживать яркими красками. Правда, сейчас, зимой, цветов не было. Но зимы в Кайзерстате были не такими, как на Альбионе, здесь даже не было снега. Лигеплац гораздо приветливее и мягче, но и здесь Уолтеру не нашлось места. Он уже не увидит, как распускаются цветы на улицах города.

Вот они проехали мимо парка. На Альбионе парки всегда огораживались высокой кованой решеткой и имели один вход через главные ворота. Платный, разумеется. Здесь парк начинался так естественно и просто, будто и не нужно было никакого перехода между тротуаром и травой. Уолтер смотрел, как мелькают темно-зеленые кроны, облитые утренним солнцем. Мелькают, чтобы вскоре остаться позади. Он не оборачивался, только смотрел вперед с такой жадностью, будто пытался впитать в себя весь этот город вместе улицами, лавками, парками и морем, и всю жизнь носить его у сердца.

Эльстер молчала, не нарушая его зыбкого единения с городом, и он был ей за это благодарен.

Наконец они добрались до центра, и лори остановилась. Уолтер, ничем не выдав своего сожаления, вышел, а потом подал руку Эльстер, помогая спуститься.

Несколько лет назад, еще на Альбионе, Уолтер попал на технологическую выставку и даже видел там ученого из Кайзерстата, Николаса, и его лиловые молнии. Это было одно из немногих публичных мероприятий, которые он посетил с удовольствием. С балов и званых приемов он предпочитал сбегать, желательно прихватив с собой девицу поприятнее, безошибочно определяя, кто из дам так же, как он, скучает в светском обществе. На ярмарки Нижних Кварталов он никогда не ходил, опасаясь за свою жизнь, впрочем, среди его знакомых было немало любителей риска.

Это была первая ярмарка в Лигеплаце, которую он решил посетить, и в любой другой день она привела бы его в восторг.

Главная городская площадь была полна людей. Палатки тянулись по периметру и лучами сходились к центру, где располагался украшенный цветами деревянный помост, на котором давали представления заезжие актеры.

– Уолтер, как мы тут что-то найдем? – прошептала Эльстер.

– Ты что, ни разу на ярмарке не была?

– У меня были другие задачи, знаешь ли. Я понятия не имею, как... В общем, нам всегда все покупали.

– Прости. В общем, сейчас мы купим билет – касса тут недалеко, она точно работает. А потом будем бродить по рядам, искать то, что нужно для путешествия, смотреть, что будут показывать эти чудесные люди на помосте и всячески убивать время. Хороший план?

– Отличный.

Уолтер не видел ее лица, но ему казалось, что она улыбается.

Он купил два билета на дирижабль; правда, «Гиденбург» уходил через три дня, и Уолтер не захотел ждать. Но его заверили, что у «Винсента» более сотни удачных рейдов, сильный чародей и опытный капитан. И комфортабельные каюты, что было немаловажно. Спать все путешествие на деревянной лавке в его планы не входило.

Уолтер спрятал билеты во внутренний карман шинели и повернулся лицом к площади.

– Что же, дорогая, пойдем, – улыбнулся он, подавая Эльстер руку.

Даже если бы он не знал, где проводится ярмарка, ее легко было бы найти по запаху. Густое облако, сладкое и терпкое, висело над палатками. Чувствовался жженый сахар и приправы, кожа и табак, дерево, духи, разнообразная выпечка и немного машинного масла. Цветов оказалось еще больше, чем запахов, и они сбивали с толка, словно мельтешение крыльев бабочки.

Каждая палатка старалась быть ярче предыдущей. Самым сдержанным оттенком был дымчато-голубой. В этих палатках торговали оружием, и строгая красота лезвий не располагала к излишней пестроте. Уолтер прекрасно фехтовал, но предпочитал не носить клинок, считая это дурным тоном. Когда началась битва на корабле, он, вызвавшись помогать команде, просто взял саблю в оружейной. В остальное время от предпочитал носить карманный револьвер. Но у первой же палатки с оружием он задержался, глядя на разложенные на черном бархате клинки.

– Скажите, что это такое? – спросил он торговца, молодого мужчину в белой рубашке и простом кожаном жилете, указывая на гладкую черную деревянную спицу с серебряным набалдашником.

– Отрава. Потяните за набалдашник – появится стилет, и яд с него, уж поверьте, прямо капает. Дальше хитрость только одна.

– Какая же? – поинтересовался Уолтер, аккуратно возвращая спицу на бархат.

– Самому не поцарапаться. Возьми девочке – никогда не будете ссориться.

– Почему? – подала голос Эльстер.

– Потому что ни один мужчина не будет ссориться с женщиной, у которой есть такая штука, – оскалился торговец.

– Спасибо, – с чувством сказал он, уводя Эльстер от прилавка.

Другие палатки были ярко-красными – там торговали одеждой. Пройдя несколько палаток, торговавших разноцветными тряпками, не годившимися не то что для путешествий, но даже для простого выхода на улицу, он нашел то, что искал.

– Что вам, дорогие?

Торговка была из Идущих. Женщина явно немолодая, но на лице у нее почти не было морщин, а волосы скрывал разноцветный платок. Высокая, смуглая, в ярко-красной широкой юбке с темно-зеленым кушаком и трех цветастых блузах с рукавами разной длины, надетых одна на другую, она даже поверх серых шерстяных перчаток умудрилась надеть по десятку различных браслетов. Уолтер с Идущими связываться опасался, но у женщины были внимательные, умные глаза без тени лукавства. Может, с ней удастся договориться.

– Широкой вам дороги, – сказал он, проводя ладонью под подбородком. Он никогда не гнушался тем, чтобы приветствовать людей так, как велел их народ или вера. – Мне нужно теплое пальто для девушки.

– На Север едете?

– Надеюсь, нет. Просто теплое пальто с хорошей подстежкой... Эльстер, посмотри, что тебе покажет фрау.

– Фрау, ну ты скажешь, мальчик! – расхохоталась женщина, обнажив белые зубы. – Момми, э? Пойдем, птенчик, покажу тебе, чем богата.

Эльстер неуверенно прошла за ней к палатке.

– Э, сними ты очки, ничего же не увидишь! Вроде мальчик твой не из тех, кто женщин своих прячет?

Уолтер кивнул и встал так, чтобы загородить проход, сделав вид, что разглядывает золотую вышивку на рукаве черного кителя. Эльстер сняла очки и убрала платок с лица.

– Вот и умница, настоящая красавица, зачем личико прячешь, э? Что хочешь? Куртку, шубку?

– Шинель или пальто, – неуверенно сказала Эльстер.

– Зачем тебе шинель, э? Пусть в солдатиков мальчики рядятся, я тебе сейчас подберу... К глазкам твоим, кошачьи глазки у тебя, э?.. – бормотала Момми, перебирая развешенные на высоких стойках пальто. – Вот, гляди-ка. И размер твой, как влитое сядет.

Уолтер посмотрел на ярко-красное пальто, которое она держала в руках, длинное, украшенное черной вышивкой и отороченное по рукавам и подолу черным кружевом.

– Момми, я знаю, как у вас принято, но пожалуйста, не пугайте мою сестру – нам нужно теплое пальто для путешествия. Я не испугаюсь цены за эту прекрасную вещь и не куплю следующую вдвое дешевле, поразившись разнице, – улыбнулся он.

К его удивлению, Момми не стала спорить. Кивнув, она убрала пальто и тут же достала другое – золотисто-коричневое, с черным жилетом-подстежкой. Простое, без лишних вышивок и кружев, но элегантного кроя.

Эльстер сняла свою шаль и надела пальто. Как Момми и обещала, село оно как надо.

– Сколько вы хотите? – спросил Уолтер.

– Пять ваших монет, э? Дешевле – не отдам. У меня пятеро детей, все плачут, мальчик, все хотят кушать, что я принесу им вечером – ваш горячий восторг и безграничную благодарность? Хочешь походить и посмотреть еще – будет стоить шесть, когда вернешься, – предупредила она.

– О! Горе нам, горе, дорогой Ганс! Зря ты привел меня сюда, вечером мы поедем к нашей дорогой умирающей бабушке, да продлится Сон Спящего о ней как можно дольше, а я вынуждена думать о том, какую тряпку лучше надеть в этот нелегкий путь! Ах, Ганс, побереги деньги, купим на них ниток для бабушки, ведь вязание – все, что по-настоящему смиряет ее измученный разум!

– Э?..

Уолтер был ошеломлен не меньше Момми, смотрившей на всхлипывающую Эльстер, но привычка скрывать эмоции не дала ему показать это.

– Четыре монеты, и вон там можете купить ниток бабушке, – опомнившись, скептически сказала Момми, показывая на палатку неподалеку.

– Пусть Спящему приснится счастливая судьба для каждого из ваших пятерых детей! – с чувством сказала Эльстер.

– Э! – махнула рукой Момми, поворачиваясь к следующим покупателям.

Эльстер торопливо надела очки и закрыла лицо платком.

– Эльстер, это что такое было?

– Эта достопочтенная фрау думает, что может хитрить лучше Пташки. Эта достопочтенная фрау думает так зря, – довольно сказала Эльстер, поправляя на себе новое пальто. – А почему ты представил меня сестрой, а не невестой или женой?

– Потому что тогда она стала бы настаивать, чтобы я купил то, красное, чтобы произвести на тебя впечатление, и нам пришлось бы уйти, – улыбнулся Уолтер, забирая у нее шаль и убирая в саквояж. – Пойдем выберем тебе платье?

– Зачем?

– Затем, милая, что у девушки должно быть красивое платье. А еще потому, что мы хотим устроить тебя, а для этого ты должна выглядеть прилично.

– Но ты сказал, что не сможешь никуда меня устроить...

– Я не сказал, что не буду стараться. Ох, Эльстер... Мне правда жаль, что я не могу просто тебе помочь.

– Но ты обещал мне пытаться, – тихо сказала она, сжимая его руку. – Мне никто ничего хорошего по-настоящему не обещал, Уолтер.

– А еще мне жаль, что я первый, – усмехнулся он. – Ладно. Лучше я пообещаю тебе нечто очень хорошее – то, что я точно смогу тебе дать. Ты пробовала местные яблочные пироги?

Палатки с едой были ярко-желтыми. Уолтер остановился у той, что торговала выпечкой и кофе, и предложил Эльстер выбирать. Она осторожно сняла очки и стала оглядывать прилавок.

– Уолтер, я понятия не имею, что это все такое, но хочется всего.

На широком складном столе были разложены лотки из вощеной бумаги. Уолтер узнал несколько видов пирогов, орехи в меду, восточную сладость, по виду похожую на бежевый пух, и множество видов печенья. Все остальное было для него такой же загадкой, как для Эльстер.

– Я тоже понятия не имею, что такое большинство из этого. Хочешь, чтобы я выбрал?

Она неуверенно кивнула. Уолтер, усмехнувшись, указал торговцу на два лотка и попросил два стакана кофе.

– Держи. Я помню, когда я только сюда прибыл, в кафе попробовал этот пирог, и понял, зачем ехал.

В Кайзерстате было принято густо посыпать пироги корицей с сахаром, а в яблочную начинку лить карамель. Подавали его теплым или, как здесь, держали подогретым. С горячим кофе он мог придать сил для любого свершения. Даже для того, чтобы пережить последний день в любимом городе.

Уолтер подумал, стоит ли ему вытрясти остатки сбережений и купить себе приличный костюм, чтобы отца не хватил удар при виде надежды рода Говардов в старой шинели, но потом решил, что он переживет и это испытание.

В одной из палаток они купили Эльстер простое серое платье для встречи с будущим работодателем и черный шерстяной брючный костюм в дорогу. Уолтер хотел попросить ее больше не разыгрывать спектакль про бабушку, но она и не собиралась этого делать. Торговцем оказался невысокий, полный мужчина, и Уолтер краем уха услышал, как Эльстер что-то мурлычет ему об игрушечных медведях. В результате обновления Эльстер обошлись ему всего в две монеты, хотя Уолтер предпочел бы заплатить полную цену. Она переделалась, и Уолтер видел, как она с отвращением выбросила прошлые вещи в мусорный бак рядом с одной из палаток.

Потом Эльстер потащила его к темно-синей палатке ювелиров. Пока она перебирала цепочки, подвески и кольца, Уолтер разглядывал широкий кожаный браслет, перевитый серебряной цепью. Браслет чем-то особенно привлекал его. Наверное, тем, что идеально подходил Музыканту Уолтеру – простая вещь, недешевая, но не броская.

Пока он предавался размышлениям над браслетом, Эльстер зачем-то вцепилась в совершенно дикарское кольцо из толстых цепей рыжего золота.

– Смотри, Ганс, какая прелесть!

– Оно не идет твоей изящной шейке, милая, – улыбнулся Уолтер.

– Да нет же, ты только посмотри, как оно блестит!

Уолтер честно разглядывал колье и слушал разглагольствования купца о том, сколь драгоценную вещь выбрала «златоглазая фройляйн», и как колье прекрасно подходит к ее волосам. Потом ей надоела эта игра, она вернула украшение торговцу и быстрым шагом отошла к другой палатке.

Начинало темнеть. До отправки дирижабля оставалось четыре часа. До аэродрома ехать было около получаса, с учетом того, что улицы были почти пусты – большинство горожан оставались на ярмарке до закрытия.

– Устала? – спросил он Эльстер, которая довольно улыбалась, как кошка, наевшаяся сметаны.

– Не очень. Давай еще кофе, посмотрим, что там на помосте и поедем?

– Хорошо, – улыбнулся ей Уолтер.

На помосте в цветах зажигались золотые огни. Когда они подошли, зазывала как раз закончил представлять следующего артиста.

– ...Томас Штармвайд!

На сцену вышел мужчина в темно-синем старомодном камзоле. Внешность его была столь необычна, что Уолтеру сперва показалось, будто на него навели морок.

Томасу было под пятьдесят. Высокий, худой и рыжий, как лис. На лиса он и был похож настолько, что Уолтеру казалось: чародеи усилили сходство. Тонкие губы, длинный нос и узкое лицо, и улыбка, полная белоснежных зубов, похожих на клыки. Настоящий лис, с узкой мордой, тронутой пеплом седины. Но угрожающе он не выглядел, выражение лица у него было тоже лисье – лукавое, но не злое.

– Я приветствую этот город с такой же радостью, с какой он приветствовал меня! – громко сказал он, делая шаг к краю сцены и распахивая руки будто для объятия. От его движения в стороны разлетелись пара десятков белоснежных голубей. Казалось, он вытряхнул их из рукавов.

Люди у помоста отозвались одобрителем гулом. Уолтер, спохватившись, стал за спину Эльстер, положил руки ей на плечи и снял с нее очки. Она благодарно кивнула и подалась назад, плотнее прижимаясь к нему и не отрывая взгляд от сцены.

– Я тысячу раз выходил в море, две тысячи раз поднимался в небо и видел все рельсовые пути пяти стран! Снежная Гардарика встречала меня так же радушно, как и цветочная Флер, и даже надменная, обожженная солнцем Энотрия была рада моей труппе! Я привез вам по кусочку каждой страны, в которой бывал, чтобы увековечить мою любовь к Кайзерстату!

Томас повел в воздухе ладонью и поймал взявшийся ниоткуда апельсин. Сел на край сцены, достал из кармана небольшой серебристый нож.

– Время кажется нам скоротечным. Мы вздыхаем о том, что стареем, и думаем, что наше время уходит безвозвратно.

Он разрезал апельсин на две части, и Уолтер увидел, как на землю частыми каплями потек сок. Потом Томас разделил одну половину на несколько долек, прыгнул со сцены и протянул их детям из первого ряда. Молча вернулся на сцену, сжал между ладонями вторую половину. Сначала на сцену с глухим стуком начали падать частые прозрачные капли, но постепенно они темнели, становились гуще, и вот уже его руки целиком покрывало нечто мазутно-черное, вязкое, лениво тянущееся свисающими нитями к доскам помоста.

– Время уходит, и нам кажется, что мы уже не те, какими были раньше. Многим кажется, что мы превращаемся в нечто... ужасное.

Он развел руки. От апельсина не осталось даже корки, только черные нити тянулись между ладонями Томаса, словно гирлянда.

– Но это неправда. Кем бы ни были, кем бы ни стали – мы всегда тот же белоснежный флердоранж, что и раньше...

Уолтер услышал общий восторженный вздох. Сначала нити посветлели, потом запульсировали, и вот уже Томас держит не густую, тянущуюся массу, а тонкие ветки, на которых стремительно распускаются темно-зеленые листья. А затем – белоснежные апельсиновые цветы.

«Спаси меня, Уолтер...»

«Всегда тот же белоснежный флердоранж...»

«Лжете, господин фокусник», – со злостью подумал Уолтер.

– Удивительно. В этом мире есть настоящие чародеи, а люди смотрят на фокусы и ходят к гадалкам Идущих, – тихо заметила Эльстер.

– В настоящих чародеях для них нет тайны. К тому же чародеи редко устраивают шоу, – сказал Уолтер, не отрывая взгляда от покрывающейся белой цветочной пеной гирлянды.

– Знаешь, Уолтер, я знаю много людей, которые никогда не были флердоранжем, – усмехнулась Эльстер, сжимая его руку. – Пойдем? Может, погуляем перед отъездом по аэродрому.

– Пойдем, – кивнул он.

Томас, взмахнув руками, рассыпал гирлянду цветов сотнями белоснежных бабочек, взвившихся в темнеющее небо.

Уолтер отвернулся от сцены.

Его представление в Лигеплаце было закончено.

Глава 6. Достать до неба

На аэродром Уолтер с Эльстер прибыли, когда окончательно стемнело. «Винсент» уже принимал пассажиров на борт, и они решили не задерживаться. Уолтер не в первый раз летел на дирижабле и почти не слушал стюарда, который монотонно зачитывал правила безопасности. Почувствовал, как Эльстер сжала его пальцы, услышав: «Механические устройства допускаются на борт только при наличии сертификата о полном осмотре и устранении неисправностей».

Он обнадеживающе сжал ее руку в ответ. Эльстер – не «механическое устройство», что бы ни говорили. Даже если он своими глазами видел, как в ее руке крутятся шестеренки.

«К тому же она говорила, что уже прошла осмотр незадолго до побега, а по морю до Альбиона добраться некогда», – мелькнула циничная мысль.

Уолтер успел оформить себе кайзерстатское удостоверение. У Эльстер было поддельное на имя Суллы, и он не стал спрашивать, где она его взяла. Если бы Уолтер готовился к побегу заранее, он бы оформил им новые документы на другие имена, но времени на это у него не было.

Перед ними стояла служительница Спящего. Молодая, может быть, ровесница Уолтера, в темно-сером платье с глубоким капюшоном, она, кажется, отчаянно боролась с дурнотой и часто оборачивалась, обводя остальных пассажиров беспомощным взглядом, будто в поисках поддержки.

– ...Зажигалки, спички, огнестрельное оружие и остальные устройства, способные вызвать искру, необходимо сдать до начала полета во избежание пожара...

– Пожара... – шепотом повторила она за стюардом.

Уолтер даже в неверном свете желтых бортовых огней заметил, как она побледнела.

– Да продлится вечно Его сон, – обратился он к девушке. – Простите, вы, кажется, нервничаете?

– Я боюсь летать... Говорят, дирижабли сгорают, падают, говорят, на них нападают пираты... – прошептала она, нервно комкая в руках серые шерстяные перчатки.

– Меня заверили, что «Винсент» совершил более ста успешных вылетов, и что капитан и бортовой чародей – опытнейшие люди и прекрасные бойцы. Вам нечего бояться – мы скоро будем на Альбионе, – уверенно сказал Уолтер.

Он давно заметил, что главное – тон, которым говорит человек, а не то, какие именно слова он произносит. Служительница слабо кивнула и отвернулась.

Уолтер не курил и не держал ни спичек, ни зажигалок. Сдал только карманный револьвер, который привык держать при себе с Альбиона.

– Эльстер, где та штука, с которой ты пыталась наняться на корабль? – прошептал он, вспомнив об «игрушке».

– Утопила вместе с платьем, – улыбнулась Эльстер. – У меня больше ничего не искрит, разве что... В общем, ничего больше не загорится.

Служительница Спящего, всхлипнув, качнулась назад, но устояла.

Инструктаж, наконец, закончился, и они поднялись на борт, подписав бумагу о том, что не утаили ничего воспламеняющегося.

– Слушай, Уолтер, а если мы зажигалку спрятали – так мы же вместе с этой бумажкой и сгорим!

– Да, это странно... вот ведь!

Еще один стюард стоял в холле, держа в руках небольшой плоский предмет, похожий на медную дощечку, и останавливал пассажиров.

– Что это?..

Уолтер чувствовал, как медленно нарастает паника. Медленно досчитав про себя до пяти, он открыл глаза.

– Досмотр, Эльстер. Сейчас проверят наши карманы и багаж. И нас – металлоискателем.

– Что за бред! А если у меня спички в декольте?!

– Это делается не для того, чтобы обезопасить нас от самоубийцы со спичками, Эльстер, а чтобы юные фройляйн, – он показал глазами на служительницу, – меньше переживали, что корабль загорится. Раньше на дирижабли пускали без проверок...

Остальные пассажиры не проявляли никакого беспокойства. Они спокойно открывали саквояжи и чемоданы и позволяли стюарду работать металлоискателем. Изредка раздавалась трель, и тогда из кармана извлекались забытые часы или украшения.

Один мужчина показал стюарду бумаги и показал на свою левую кисть.

Эльстер не проявляла никаких признаков беспокойства, только отдала Уолтеру пальто и зачем-то закатала до локтей рукава платья. Она подошла к стюарду, спокойно встала, раскинув руки.

Уолтер мысленно приготовился в лучшем случае платить штраф и покупать билеты на корабль, а в худшем – расстаться с имеющимися у него деньгами, чтобы дать взятку. Если он попадет в жандармерию, особенно при попытке покинуть страну...

Металлоискатель молчал.

Уолтер с трудом заставил себя улыбнуться стюарду, демонстрируя пустые карманы шинели. Карманы на пальто Эльстер были даже не распороты.

– Эльстер, что это было? – прошептал он.

– Секрет фирмы. Я бы сказала, главный секрет «Механических пташек».

– И ты его знаешь, верно?

– Кому как не мне его знать, – горько усмехнулась Эльстер.

– Прекрасно, Эльстер. Замечательно. Идем, вот наша каюта.

Он открыл дверь ключом, прилагавшимся к билету. Паника постепенно отступала, ему даже удалось попасть ключом в замок с первого раза.

Комнату наполнял искусственный желтый свет. Кремовые обои, толстый ковер на полу, два узких шкафа из темного дерева и две кровати у противоположных стен комнаты составляли весь интерьер.

– Как ты относишься к идее ждать ужина? – спросил Уолтер, убирая саквояж под кровать.

– Если честно, плохо. Я ужасно устала и хочу спать... Ты не обидишься?

– Нет. Я бы остался ждать только ради тебя. С меня хватит сегодняшнего дня, – улыбнулся он.

– Кстати! У меня для тебя подарок. Смотри.

Она протягивала ему тот самый браслет, который он рассматривал на ярмарке. Словно прощальный взмах Музыканта Уолтера – плетение из кожаных шнурков и серебряных цепочек.

– Эльстер! Ты за этим схватила ту ужасную цепочку – чтобы отвлечь хозяина от других украшений?! – возмущенно выдохнул он. – А если бы нас поймали?!

– «Нас», – повторила она, глядя на него восхищенными глазами. Кажется, ее нисколько не задело его замечание.

– Эльстер...

– Нас бы не поймали, Уолтер. Я очень хорошо ворую. Никто никогда не устраивает скандалов из-за оброненной в борделе цепочки или соскользнувшего в простыни кольца, клиенты предпочитают инкогнито...

Уолтер не знал, что сказать. Устроить выволочку взрослой женщине на тему морали? Взрослой женщине, сбежавшей из борделя для клиентов с особо изощренной фантазией?

– Ты обещала не воровать, – нашел он правильные слова.

– В доме твоего отца и потом, – улыбнулась она. – Не переживай, я больше не стану. Это ярмарка, там столько людей, найти меня будет невозможно... Ну не сердись...

– Я не сержусь, – вздохнул Уолтер, забирая у нее браслет и надевая на руку. Краденая вещь ощущалась лишней тяжестью на запястье и раздражала. Он думал «потерять» браслет, но Эльстер с такой радостью смотрела на него, что он решил пока этого не делать.

– Уолтер?..

Эльстер успела отойти к своей кровати и снять с нее темно-бордовое покрывало, а теперь задумчиво смотрела на белоснежные простыни.

– Что? – спросил он, вешая пиджак в шкаф рядом с шинелью и незаметно убирая браслет в карман.

– Помнишь, я вещи на ярмарке выбросила?

– Да.

– У тебя есть лишняя рубашка?

Уолтер досадливо поморщился. Ему, и правда, стоило быть умнее и подумать не только о платье для Эльстер. У него никогда не было женщины, о которой нужно было бы заботиться подобным образом, а сама Эльстер, видимо, не знала, как вести себя в обычной жизни.

– Прости, я должен был подумать... Здесь вроде есть возможность купить вещи для дороги, завтра посмотрим, что можно сделать, идет? Рубашка... ты же мерзнешь... вот, держи.

Он протянул ей черную шерстяную рубашку со dna саквояжа. Она взяла ее, благодарно кивнув, и начала переодеваться, не дожидаясь, пока Уолтер отвернется. Он только вздохнул, запер дверь и выключил свет.

* * *

Уолтер думал, что не сможет уснуть. Думал, что призрак города, который он оставляет, будет терзать его, заставляя тосковать и мучиться желанием наплевать на все и остаться. Но сон пришел быстро, утопив измученное сознание прохладной темнотой еще до взлета.

С детства Уолтера учили, что сны – подсказки и что именно тогда человек обретает часть сил Спящего. Что к снам нельзя не прислушиваться. Но они ничего не предвещали, только напоминали Уолтеру о терзающем его прошлом.

Ему снился прием в Вудчестере. Поместье Говардов весной украшали белыми цветами и сменяли темно-зеленые бархатные шторы на золотые с белым. Начинало особенно ярко блестеть начищенное серебро, включался весь электрический свет, дом наполнялся музыкой и голосами. В начале мая родился Джек Говард.

На прием приглашались не только представители всех знатных домов Альбиона, но и коллеги Джека. Его все любили – молодого аристократа и талантливого доктора, продолжателя дела Эриха Рейне. Джек работал над каким-то новым лекарством, никому не раскрывал сути своих исследований и не обращался за грантами. Регулярно исповедовался клирику, патеру Морну, и тот ни разу не счел услышанное поводом обратиться в более высокие инстанции. К тем, кто следит, чтобы Спящий не проснулся, людям в красных плащах и белых масках. Патер Морн тоже был приглашен на торжество, тем более что скоро планировался еще один праздник, где потребуются его участие.

Рядом с Джеком в этот весенний день стояла очаровательная юная леди, Кэт Борден. Его ассистентка, старшая дочь Борденов, красавица с правильными чертами лица, которое совсем не портили маленькие круглые очки в золотистой оправе.

Уолтеру нравилась Кэт, не похожая на Джека и на старшую дочь одного из самых знатных семейств Альбиона. Кэт была настоящим ученым: пытливая, старательная и целеустремленная, она бы проводила в лаборатории Джека сутки напролет, если бы это позволяли приличия.

Черные волосы. Золотистое шелковое платье. Заразительный смех, быстрый взгляд из-под пушистых ресниц. Кэт Борден – красавица, невеста и преданная соратница его брата. Уолтер был так счастлив, что рядом с Джеком именно она. Он так радовался, что в их семье наконец-то появится кто-то, не похожий на остальных Говардов.

Они были такой красивой парой. Высокий черноволосый Джек, истинный джентльмен с безупречными манерами и хрупкая Кэт, ростом едва достающая ему до плеча. С каким обожанием она на него смотрела.

Как они кружили в танце в тот вечер, и как потом на фуршете неожиданно, непривычно, счастливо и искренне смеялся Джек.

Уолтер не сбежал с того приема. Он не разочаровал своего отца, не огорчил Джека. Уолтер в тот вечер был частью этого праздника, шестеренкой, стоящей на своем месте.

Тогда он думал, что это и правда его место. Тогда он думал, что слова его отца: «Не верь моменту» не имеют никакой власти.

Кэт Борден, будущая Кэт Говард. Никогда в семье Говардов не давали дочерям этого имени, потому что Кэтрин Говард не может быть счастлива. В семье Борденов не было такого поверья.

– Уолтер! Уолтер, просыпайся!

Открыв глаза, он не сразу понял, почему вокруг темно, и кто пытается его разбудить. Эльстер сидела рядом с ним на кровати и сжимала его плечо.

– В чем дело? – хрипло спросил он, закрывая глаза.

– Тебе плохо, – безапелляционно заявила Эльстер, касаясь его лба прохладной ладонью. – Не буду спрашивать, кто такая Кэт Борден, но она явно украла у тебя спокойный сон.

– Это жена моего брата. И она давно его украла, да и Джек тоже... частенько ворует.

– Ты был в нее влюблен? – сочувственно спросила она, убирая руку.

– Нет, что ты. Она была хорошая, славная, и мы дружили, но я никогда...

– А сейчас?

– А сейчас она умерла, – просто сказал Уолтер, садясь рядом с Эльстер и проводя рукой по лицу, чтобы стряхнуть с кожи сон, словно воду.

– Как это случилось? Ее убил...

– Она болела. Джек очень любил ее, – отрезал Уолтер. – Не знаю, что тебе наговорил тот человек, который показывал мою фотографию, но мой брат и Кэт любили друг друга и, если бы не это, а еще не слабое сердце Кэт и слабый рассудок Джека – все были бы живы.

– Тот человек мне много чего наговорил, но это не значит, что я ему поверила. Уолтер, я понимаю, почему ты уехал из Лигеплаца. Никто не станет разбираться и искать настоящего подражателя, пока его брат в городе. Наверняка убийца герра Сатердика и фрау Мирабель тоже знал, что ты в Лигеплаце, поэтому и выбрал такой... эпатажный способ.

– Я дурак, Эльстер. Надо было искать себе не зеленый приморский город, а глухую деревню где-нибудь в горах. Где никто не читает газет и не тычет ими под нос всем подряд.

– Ты носил черные очки, чтобы тебя не узнали? Я заметила, что ты спокойно реагируешь на солнечный свет.

Уолтер вдруг вспомнил: Эльстер сказала, что не понимает, о чем речь, когда он только узнал о том, что кто-то взялся подражать Джеку.

«А ведь она с самого начала знала, кто я такой, если узнала меня на фотографии в газете. Хорошо, что больше никто не узнал... И пришла ко мне, не испугалась», – подумал он. Уолтер сам себе не смог бы ответить, чего было в этой мысли больше – благодарности или промелькнувшего недоверия от вопросов, на которые он, конечно, тоже не получит ответы.

– Нет. Я носил очки, потому что у нас с Джеком одинаковые глаза, а я не хочу встречать его взгляд в зеркалах и витринах. Если бы твой брат был маньяком, на чьей совести истязания,

похищения и десятков трупов – ты бы тоже не хотела смотреть ему в глаза, – ответил он, решив ни о чем спрашивать.

– Так Джек не убивал жену?.. Но когда ее нашли у него в лаборатории... даже в наших газетах писали, что его повесили после этого, и что до десяти... падших женщин никому особо не было дела...

– Нет. Он бы никогда так не поступил. Джек был чудовищем, Эльстер, но это было влюбленное чудовище, а значит еще более страшное и изощренное. Джек Говард – Джек «Риппер», Потрошитель... у него даже имени не осталось. Доктор с блестящим будущим превратился в мясника. А еще эти шутники, которые слали в полицию свои «Дорогой начальник»... как будто Джек с его образованием мог написать столь безграмотную...

– Ты его любишь, Уолтер, – убежденно сказала Эльстер. – Пытаешься защищать, и ты прав.

– Я понятия не имею, Эльстер. Джек всегда был... старший. Любимый сын, пример для подражания. Я позволял ему забирать себе всю отцовскую любовь, быть примером для меня, потому что любил. Сам отказался от медицинской карьеры, чтобы не соревноваться с ним. А потом оказалось, что мне всю жизнь ставили в пример убийцу. И мой отец вспомнил о том, что у него есть запасной сын, только когда Джека повесили. Знаешь, я не должен был уезжать. Должен был остаться с отцом, вынести все, что обрушилось на дом Говардов после казни. Должен был пойти к Чарли Бордену, отцу Кэт, стоять перед ним, смотреть в глаза и говорить, что мне очень жаль. Должен был. Должен был поступить, как Говард, как брат Джека, как сын Ричарда Говарда. Но я... не такой, Эльстер. Наверное, по-настоящему никогда и не хотел таким быть.

Эльстер сидела, обняв колени и молча смотрела на него, склонив голову к плечу. Было темно и тихо, только мерно гудел мотор. Дирижабль шел ровно, и полет практически не ощущался. Уолтер почти пожалел о сказанном, подумав о том, что не стоило жаловаться девушке с гораздо более незавидной судьбой. Но Эльстер вдруг улыбнулась и легко коснулась его запястья.

– Знаешь, Уолтер... Нас всех пытаются заставить быть кем-то, кем мы не являемся. Я бездушный механизм, который умеет испытывать боль и... имитировать человеческие эмоции. Ты аристократ, который должен имитировать отсутствие эмоций. Поэтому ты и был счастлив в Лигеплаце – ты нашел тот путь, которым хочешь идти: без денег, родового имени и необходимости притворяться. Но прошлое достанет даже до неба, чтобы дотянуться до нас.

– А ты будешь счастлива на Альбионе? – спросил он, в ответ накрывая ладонью ее руку и чувствуя, как она медленно теплеет.

– Понятия не имею. Я даже не знаю, что это за город, знаю только, что Ричард Говард – честный вдовец, как о нем писали в газетах, и что там не будет... того, что было раньше.

– Ты не знаешь, куда мы летим?

– Нет, – легкомысленно отозвалась Эльстер. – А это так важно?

– Эльстер, Альбион – центр промышленной революции.

– Ты говоришь так, как будто это все объясняет.

– Конечно. Там круглосуточно туман – омерзительный, плотный смог, который выдыхают многочисленные фабрики. Почти не бывает солнца, узкие улицы, каменные дома. Город опутан рельсами башей. Все, что может ржаветь, там быстро ржавеет от влажности. Люди предпочитают ходить в фильтрующих масках, снимая их только дома. В результате даже в центре города случаются убийства среди дня. Люди на Альбионе, включая нищих из Нижних Кварталов, искренне презирают всех, кто отличается от них – иностранцев, колдунов... если кто-то узнает, что ты – не человек... На Альбионе немного иначе верят в Спящего. Больше боятся, что Он проснется. А механические люди считаются местными клириками... тем, что может его разбудить.

– Почему? Что мы такого делаем? Мы же никого не... – Эльстер осеклась, но Уолтер понял, что она хотела сказать и горько усмехнулся.

– Душой человека наделяет Спящий. Мы снимся ему такими, какие есть. И мы не должны создавать ничего, что делает нас подобными ему. А еще... еще клирики говорят, что нельзя потакать самой грязной похоти, создавая кукол в виде несовершеннолетних девочек.

– Они очень правильно говорят, Уолтер. Ты не представляешь себе, насколько, – в ее голосе зазвенела неожиданная ненависть.

Уолтер хотел сказать о том, что в Нижних Кварталах бордели полны настоящих детей, но вовремя осекся. С тех пор, как в его жизни появилась Эльстер, это оправдание перестало работать. Он так и не понял, испытывала ли она эмоции или настолько искусно их имитировала, но если она все же умела бояться и чувствовать боль, то остальное становилось не важным.

Правда, даже после прочтения дневников Эриха Рейне он так и не понял, как создают механических людей. Механическая рука с движущимися пальцами, механическая нога, позволяющая ходить, не хромя – но человек... Даже если Рейне прибегал к помощи магов, это оставалось невероятным. Хотя Уолтер и не слышал, чтобы маги особенно влияли на какие-то отрасли кроме военной. Боевые маги на кораблях – да, но маги, наделяющие механизм способностью чувствовать...

По крайней мере, Рейне ничего о них не упоминал. Во всем труде Рейне Уолтер упорно видел какую-то недоговоренность, несоответствие. Что-то важное, о чем он умолчал, не позволяющее полностью расшифровать его открытие кому-то, кроме владельцев этого секрета.

– На Альбионе располагается управление Комиссии по этике, Хранителей Сна. Это особый отдел, особые служители Спящего, чья единственная задача – стеречь его Сон. Среди нас никто не верит в Ночь, как среди последователей Белого Бога. Спящий не накажет нас, он просто проснется. Большинству этого достаточно. А для тех, кому нет... для тех и существует Комиссия.

– Ты... ты их видел? – прошептала Эльстер.

– Да. К нам приходили двое. Обходительные джентльмены. Одинакового роста, в красных плащах, лица закрыты белыми масками – белыми и гладкими. В маску, видимо, встроены прибор, искажающий голос. Голоса у них тоже одинаковые, механические. Они пришли сообщить, что добьются смертного приговора для Джека, еще до того, как нашли Кэт. Но мой отец не унывал – он был уверен, что положение в обществе и деньги спасут моего брата. У нас даже были сторонники, оправдывающие Джека. Мы наняли одного из лучших пандекстов, нескольких Пишущих и богослова, чтобы они помогли Джеку избежать приговора. Чтобы он доказал клирикам, что убитые им женщины... оскорбляют Спящего своим существованием.

– И ты... был согласен?.. – бесцветным голосом спросила Эльстер.

– Нет. Я запутался, Эльстер. Я любил брата и не желал ему смерти, не мог поверить в то, что он и правда совершил нечто настолько чудовищное. Но оказалось, что мой отец, которого я всегда уважал, готов оправдывать подобное... А потом отречься от Джека, когда все было кончено. По крайней мере, тогда мне показалось, что он от него отрекся. Я не знал, что мне делать.

– И сейчас ты хочешь поговорить с отцом?

– Да. Хочу сказать ему, что скоро опять могут начаться допросы. Я не стану доверять подобное телеграфу или почте, тем более из другой страны. Мне нужно не только предупредить его, но и... и... – он замолчал, не в силах признаться в еще одной цели своего путешествия.

– Ты хочешь сказать ему, что ты никого не убивал? Готов рисковать собой, возвращаясь домой, когда тебя могут искать, чтобы предупредить отца, и чтобы он знал, что ты не виноват? – прошептала Эльстер.

– Да. Я все еще... он не будет мной гордиться, мной не за что гордиться. Но он не должен допускать мысль, что я тоже... Я не знаю, как правильно, Эльстер. Понятия не имею.

– Я тоже. Слушай, Уолтер... А куда ты отправишься после Альбиона?

– Об этом я тоже не имею понятия, – улыбнулся он. – Может быть, в большой город – там легче затеряться. А может, и правда уеду в какую-нибудь глухую деревню у моря, буду рыбачить, иногда голодать и никогда не читать газет. Или буду учить детей – должен же мой диплом Альбионского университета приносить хоть какую-то пользу...

– Уолтер? А можно... можно мне...

– Что? Ты не хочешь оставаться на Альбионе?

– Не очень... лучше я как-нибудь тихо заржавею на берегу моря.

Уолтер нахмурился. Он хотел позвать Эльстер с собой, забыв о том, что ей нужны механики, а не доктора.

«Что происходит, когда в таком механизме что-то ломается? Ей больно? Может ли она умереть, или прийти в окончательную негодность, если не успеть довезти ее до города? Как все сложно...» – с тоской подумал он.

Но воображение упорно рисовало ему что-то сине-серое, шумящее и недостижимое. Небо. Море под обрывом, много солнечного света и ощущение абсолютного, совершенного счастья.

– Давай, мы придумаем для тебя что-нибудь получше, чем перспектива заржаветь? – улыбнулся он.

– Давай, – кивнула Эльстер, и Уолтеру показалось, что ее глаза в темноте блеснули золотом.

* * *

Остаток ночи Уолтеру удалось проспать без сновидений.

Утром золотистый свет в каюте сменился на белый, и прозвучал тройной сигнал, означающий приглашение на завтрак.

Эльстер проснулась раньше него, уже успела одеться и сходить в душевую на нижней палубе.

– Если поторопишься – не будешь торчать в очереди, – улыбнулась она, увидев, что он открыл глаза.

Душевых на их крыло выделили три, и занять успели только одну. В душевой было холодно, и почти все, что видел Уолтер, было алюминиевым. Он знал, что это нужно для облегчения корабля, и усмехнулся, вспомнив, как один из его знакомых возмущался отсутствием ванной в каютах.

Умываясь теплой водой, которая едва заметно пахла железом, Уолтер с щемящей тоской вспомнил ледяные волны в Лигеплаце.

Закончив, он зашел за Эльстер, чтобы отвести ее на завтрак.

Столовая оказалась просторным светлым помещением. Столы и стулья, сплетенные из легкой сухой лозы, стояли вдоль стен, освобождая центр зала.

– Я слышала, что на одном из дирижаблей – кажется, на «Гиденбурге» – есть рояль, – раздался за спиной Уолтера женский голос.

– Вы правы, – ответил ей мужчина, чей голос показался Уолтеру смутно знакомым.

– Какая глупость! – весело отозвалась женщина.

Уолтер обернулся. Сначала он увидел даму. Немолодая женщина в строгом темно-синем платье сидела в инвалидном кресле, словно на троне. Затем он встретился взглядом с женщиной, который вез кресло.

Он узнал его только по огненно-рыжим волосам, сейчас стянутым в хвост. Без камзола, грима и липких черных нитей в руках Томас Штармвайд казался совсем другим человеком.

– Томас! – Эльстер тоже узнала его и широко улыбнулась. – А мы видели ваше выступление в Лигеплаце.

– Как лестно, что вы меня вспомнили, фройляйн, и как жаль, что все мои цветы остались в каюте, – улыбнулся он, вкатывая кресло в столовую. – Позвольте представить свою мать, фрау Тесс Даверс.

Томас подкатил кресло к одному из столов и жестом пригласил их сесть.

– Меня зовут Уолтер... Честейн, а это моя сестра, Сулла, – представился он.

Тесс с достоинством протянула ему руку и улыбнулась. Сын явно был похож на нее – такое же лисье лицо, такие же хитрые искорки в живых, ярко-синих глазах. Только волосы у Тесс были совсем белыми.

– А разве ваша фамилия не Штармвайд? – спросила Эльстер, садясь на стул. Она не стала протягивать Томасу руку.

– Нет, фройляйн, это сценический псевдоним. Почти «Штормовой ветер», людям нравятся такие громкие слова и не нравятся простые альбионские фамилии.

– Так вы из столицы? – спросил Уолтер.

– Нет, из Эгберта. Ужасную путаницу вносит, когда столица зовется так же, как и вся страна, не правда ли? – спросила Тесс.

– «Альбион – это мы, а мы – это Альбион», – скривившись процитировал Уолтер строку из гимна.

К их столику подошел стюард и положил в центр четыре узкие голубые полоски бумаги.

– Чай – из Лигеплаца, – безапелляционно заявил он, словно готовясь защищаться.

– Прекрасно, – проникновенно ответил Томас. – Альбионскими помоями мы еще насладимся.

Несколько минут они в молчании изучали меню. Уолтер заметил, что Эльстер растеряна, но она не стала просить его совета, а он не стал предлагать помощь, понимая, что она не привыкла делать выбор и ей приходится преодолевать себя даже в таких мелочах.

– А вы из столицы? – спросил Томас после того, как они сделали заказ.

– Да, – ответил Уолтер, не распространяясь о своем происхождении.

– В таком случае, возможно, вы знаете хорошую клинику, занимающуюся протезами? Мы хотели обратиться к доктору Лэньону, но буквально перед вылетом узнали, что он закрыл практику.

– Доктор Харрис – один из лучших на Альбионе, учился у Рейне, – не задумываясь ответил Уолтер.

– Кажется, я слышала о нем. Мой сын все хочет узнать, можно ли что-то сделать с позвоночником. Я пыталась объяснить этому мальчишке: мой недуг таков, что мне не помогут даже две механические ноги, но он не желает меня слушать, – сказала Тесс, раскладывая на коленях салфетку.

– И каков же ваш недуг? – спросила Эльстер прежде, чем Уолтер успел ее остановить.

– Я стара, девочка, и ужасно устала от этой бессмысленной возни. Вот поэтому я и предпочитаю корабли, Том: посмотри на эти тарелки, они же чуть ли не бумажные! – с возмущением отозвалась Тесс, увидев тарелки, которые расставлял перед ними стюард.

– Моя мать сопровождает меня много лет. Я артист и постоянно нахожусь в дороге, но она никак не может привыкнуть к отсутствию фарфоровых тарелок, – усмехнулся Томас. – Матушка, после того, что случилось в прошлое наше плавание, я предпочитаю не возить вас на кораблях, мы же не раз об этом говорили.

– А что случилось? – с искренним недоумением спросила Тесс, наливая чай из общего чайника сначала Томасу, а затем себе.

– Спасибо. На нас напали пираты, и какой-то нелюдь прорвался в пассажирские каюты. К несчастью, меня рядом не было – я был занят в коридоре с тремя его... коллегами. Он пинком опрокинул кресло и лишь по воле Спящего не убил мою мать. Совсем молодой, сразу рванулся к шкафу искать деньги.

– Том, негодный мальчишка, застрелил мерзавца, когда тот открыл шкаф! – в голосе Тесс звучало искреннее возмущение. – Мне пришлось выбросить все вещи, которые там висели – их забрызгало кровью!

– Это все, что вам стоит знать о приоритетах моей матери, – усмехнулся Том.

– Мои кружева против жизни какого-то бродяги с кривой железкой! – возмущенно выдохнула Тесс.

– Но на дирижабли ведь тоже нападают пираты? – отметил Уолтер, решив уйти от скользкой темы.

– Вы видели эти нападения? Нет? Я вам расскажу, – сказал Томас, откидываясь на стуле. – Во-первых, никто не достает огнестрельное оружие – потому что упавший дирижабль для них бесполезен, и даже с падающего корабля в их корабль долетит не одна пуля. Во-вторых, вы представляете себе ангар для стоянки дирижабля? Знаете, где располагаются причальные мачты? Представляете себе, сколько стоит обслуживать эту махину на земле? Одно только топливо... Обычно воздушные пираты – дурачки, которым удалось вырезать экипаж и пассажиров. Они понятия не имеют, что делать с захваченным дирижаблем, и потом просто ищут следующую жертву. Чаще всего не находят, кое-как приземляются, иногда неся при этом потери и почти всегда уничтожая корабль.

– Зачем тогда они вообще нападают? – спросила Эльстер.

– На дирижаблях обычно путешествуют состоятельные люди, и корабли кажутся легкой мишенью. А вообще – кто их, отморозков, разберет, – пожал плечами Томас. – Вот если кто-то изобретет летательный аппарат, не требующий огромного мешка водорода для подъема – у нас будут очень серьезные проблемы.

Уолтер не стал говорить, что еще когда он жил на Альбионе, такие разработки уже велись. Тестовый аппарат был нелепым, огромным, с крыльями, напоминающими веера с Востока или паруса джонок, и, что ожидаемо, упал почти сразу после набора высоты. Насколько Уолтер помнил, тогда речь впервые зашла об использовании винтов.

Столовая заполнялась пассажирами. Вчерашней служительницы Уолтер среди них не заметил. Он со скучающим видом разглядывал людей, сидящих за столиками, и с тоской думал, что снова скоро окажется на улицах города, где лица заменяют фильтрующие маски и респираторы. Когда он сойдет с дирижабля, ему, может быть, бросят под ноги окурки. Или он наступит в лужу, подернутую радужной масляной пленкой. Никакого вереска, никакого моря и искренних улыбок.

– Вы, кажется, грустите, Уолтер, – отметил Томас, указывая на него серебристой вилкой. – Я вижу скучающие лица среди сотен восторженных, простите мне эту профессиональную привычку.

– Альбион – не самый приятный город в не самой дружелюбной стране, – через силу улыбнулся Уолтер.

– Но вы, судя по выговору, альбионец, притом житель столицы.

Уолтер быстро вспомнил, как общаются жители столицы. Вспомнил, как липнет к лицу надменное выражение, и как делать вид, что презираешь людей. Даже под маской лицо должно оставаться таким – на Альбионе безошибочно чувствуют чужаков. Те, кто не хотят играть по их правилам – тоже чужаки. Уолтер вспомнил, как носить маску ледяного презрения под маской-фильтром и понял, что больше не проглотит ни куска. Воспоминания вызвали искреннее отвращение и отзывались нарастающей тошнотой.

– Увы. Если бы на то была моя воля – я бы не возвращался, но, видите ли, мы сбежали с Альбиона, когда там орудовал этот ужасный человек, Риппер. Кто знает, в какой момент ему перестанет хватать шлюх из Нижних Кварталов, и он обратит внимание на честных женщин. И представьте себе, как только все успокоилось, как только поймали этого мерзавца и мы обжились в Лигеплаце – появляется еще один выродок!

– Да, это ужасно. Мы с матерью тоже посчитали необходимым покинуть Лигеплац еще и по этой причине. Местные власти совершенно не следят за порядком: где это видано, чтобы Пищущие имели больше информации, чем жандармы, и при этом не способствовали следствию!

– Не знаю, что случилось с беднягой Сатердиком и его бедной женой, но кто застрелил Хагана, я могу сказать абсолютно точно, – сказала Тесс, ставя чашку прямо на скатерть.

Уолтер заметил, что Эльстер, не отрываясь, смотрит на расплзающийся по ткани темный ободок.

– И кто же это был? – тихо спросила она.

– Совершенно точно – он сам. А перед этим зарезал эту девочку, Марию.

– Герр Хаган был попечителем нескольких благотворительных фондов и, как я слышал, очень любил свою жену, – усомнился Уолтер.

– Мария – несчастная девочка, которую Хаган взял замуж не от большой любви, а от большой совести, – категорично заявила Тесс. – Я была близко знакома с Хаганом и с Марией, разумеется, тоже.

– Можно спросить, что связывало вас с этими людьми? – спросил Уолтер.

– Безусловно. Я – одна из первых художниц «Механических Соловьев», молодой человек. Стояла, так сказать, у истоков. Но когда началось... у меня возникли разногласия с фирмой. Я не согласна с их политикой, а уж «Пташки»... ничего не стану говорить. Поверьте, мне нельзя вести такие разговоры. Зато я точно могу сказать, что за отношения связывали Хагана с женой, – вернулась к безопасной теме сплетен Тесс. – Он нашел Марию во время благотворительного рейда в приют Вахерлинга.

– Для душевнобольных? – Уолтер не смог скрыть удивления.

– Именно. Мария страдала от серьезного душевного расстройства. Она была нервной, неуравновешенной девушкой, у нее часто менялись настроения, а еще она была болезненно ревнива. Устраивала Хагану скандалы едва ли не каждый день, а уж когда она увидела те фотографии, наверное, сама же бросилась на него с ножом.

– Какие фотографии?

– Вы не читаете газет, Уолтер? Извольте, я вам расскажу: у Марии нашли фотографии, на которых Хаган был с другой женщиной.

– Позвольте, может это были старые фотографии! – вдруг сказала Эльстер, улыбаясь Тесс.

– Видите ли, Сулла, Хаган упал с лошади через неделю после своей свадьбы. Ничего серьезного, но на бедре у него остался заметный шрам, и снимавший позаботился о том, чтобы этот шрам попал на фотографии.

– Предусмотрительный человек! – Эльстер не переставала улыбаться.

– Вот именно. А дальше все просто: скандал, возможно, покушение, убийство и после – суицид. Даже их хваленый «Парнас» подтвердил справедливость этой теории. Но настоящий убийца Хагана и Марии – человек, приславший ей эти фотографии.

– Моя мать склонна увлекаться, – тихо сказал Томас. – Настоящий убийца Хагана и Марии убил Сатердика и Мирабель, и у него личные счета к «Пташкам». Столько людей, у которых по разным мотивам есть к ним счета, что я затрудняюсь ответить, кто же с большей вероятностью пошел на такие крайние меры. Не слушайте наших сплетен, молодые люди, и лучше всего не читайте газет.

С этими словами Томас положил салфетку в пустую тарелку и встал из-за стола.

– Благодарю вас за компанию, польщен знакомством. Надеюсь, мы сможем скрасить путешествие друг друга.

Томас пожал руку Уолтеру, поцеловал запястье Эльстер и снял салфетку с колен матери.

Тесс только кивнула им на прощание. Ее лицо стало задумчивым и отрешенным.

– Моя мать быстро устает, хоть и не показывает этого, – тихо сказал Томас, ногой снимая кресло с тормоза.

– Я понимаю. Мы тоже уходим; пожалуй, последуем вашему совету и не станем читать газет, – вымученно улыбнулся Уолтер.

– И не слушайте наших сплетен, – напомнил Томас.

Уолтер заметил, что глаза у Томаса за своей яркостью удивительно усталые, в красных прожилках и окружены частыми лучами морщин. Он смотрел вслед фокуснику и думал о том, что он, наверное, тоже давно не верит ни в какой флердоранж.

Глава 7. Смех оставшихся в живых

Уже к вечеру первого дня рояль на «Гиденбурге» перестал казаться блажью. Полет проходил спокойно, но пассажиры отчаянно скучали. Уолтер краем уха слышал, что компания студентов из соседнего крыла собирается скинуться на оплату выступления Томаса. На корабле не было библиотеки, новости передавали по громкой связи в обед и вечером. Новости приходили только альбионские, а из Кайзерстата озвучивали политическую сводку. Единственным сообщением, заинтересовавшим Уолтера, было короткое: «Комиссия по этике отказалась от проверок убийств в Лигеплаце, Кайзерстат».

Служительница Спящего появилась в столовой на втором завтраке. Обведя зал испуганным взглядом, она встретила глазами с Уолтером. Он жестом пригласил ее сесть за их стол, и она, благодарно кивнув, заняла свободное место.

– Да продлится вечно Его Сон! – сказал Уолтер, улыбнувшись.

– И да будут светлы Его Сны... – тихо отозвалась она.

При свете Уолтер смог лучше рассмотреть девушку. Невысокая и почти болезненно худая, она выглядела в своем плотном шерстяном платье гимназисткой. Волосы мышиного оттенка она собрала в тугий узел на затылке и скрепила широкой черной лентой с огромным бантом – единственным украшением. Худое бледное лицо, светлые глаза, тонкие губы, маленький нос – когда Уолтер отворачивался, ее лицо распадалось на отдельные детали и словно стиралось из памяти.

– Меня зовут Уолтер Честейн, это моя сестра – Сулла, – привычно представил Уолтер обоих.

Эльстер широко улыбнулась и склонила голову к плечу, разглядывая собеседницу. Уолтер давно заметил эту птичью привычку и задавался вопросом, было ли это особенностью всех «пташек», но спросить стеснялся.

– Бекка, герр... фройляйн... – тихо отозвалась она. – Я хотела поблагодарить вас, герр Честейн, за то, что вы обратили на меня внимание и... и не посчитали выше себя найти слова... слова утешения... Спящий не просыпается... благодаря таким людям, как вы, герр Честейн...

Бекка говорила тихо, часто сбиваясь, заикаясь и отчаянно краснея. Уолтер чувствовал нарастающую с каждым ее словом неловкость, но боялся перебить Бекку, опасаясь, что она смутится еще больше и расплачется.

– Надеюсь, сейчас вам лучше? – спросил Уолтер, решив избежать продолжения неудобного разговора.

– Да, герр... Простите, я в первый раз куда-то лечу, наш настоятель, патер Штольц, отпустил меня в альбионский монастырь святой Лукреции... Потому что я очень боялась остаться в Лигеплаце...

– Неужели вы думаете, что служительницам Спящего что-то грозило? – с неожиданной неприязнью спросила Эльстер.

– Мне не дано проникнуть в разум монстра, фройляйн, но монстру... дано проникнуть в мой! Я не могла ни есть, ни спать – мне казалось, что фигура в черном плаще и цилиндре стоит рядом, заноса лезвие... Я молилась, чтобы это кончилось, но больше молилась за всех жителей Лигеплаца, и Спящий не видел во Сне ничего из того, о чем я Ему нашептывала...

Уолтеру всегда казалось немного странным рассказывать Спящему о своих желаниях, надеясь, что он увидит их исполнение во Сне, но он помнил, как сам молился каждый вечер на Альбионе. Потому что молодой лорд Говард должен быть религиозен, а если это не так – рано или поздно об этом узнают. Маска под маской, притворство даже наедине с самим собой.

– Поверьте мне, фройляйн Бекка, для вас не было никакой опасности. Убийце интересны создатели механических шлюх, до благочестивых женщин ему дела нет, – ядовито выплюнула Эльстер.

Уолтер заметил, как побелели ее пальцы, сжавшие чашку с кофе. Он впервые видел Эльстер такой.

– Вы не правы, фройляйн Честейн... Простите, но вы... вы верите в Спящего?

– Нет, – спокойнее ответила Эльстер, делая глоток.

– Простите, фройляйн Честейн, но тогда вы не знаете... Наш настоятель, патер Штольц... он известный исследователь, этик... занимался проблемой... «пташек». Он не раз ходил по их... туда, где они...

– По борделям, – подсказала Эльстер.

– Да, да, вы правы, фройляйн Честейн. По... по борделям. Ходил бы и по домам с Соловьями... Но домой его никто не пускал. Вы знаете, Соловьи стоят больших денег, а условия договора обязуют прятать их от посторонних... – голос Бекки становился уверенней. – Но в бордели пускают всех желающих. Не подумайте, патер Штольц... приличный человек. Он... святой человек.

– Что святой забыл в борделях?

Уолтер незаметно тронул Эльстер за руку. Но она будто не заметила, не сводя с Бекки тяжелого золотого взгляда.

– Он хотел доказать, что у тех, кто уподоблен людям... есть душа, – сказала Бекка и, наконец, подняла взгляд.

– Душа?! – расхохоталась Эльстер, и Уолтер заметил, как в ее глазах блеснули слезы. – Душа, только подумайте! У механических потаскух есть душа! Как же тогда, по мнению вашего патера Штольца, оправдать то, что происходит с теми, у кого есть душа?!

– Сулла, милая, а тебя не слишком сильно волнует судьба этих... женщин? – тихо спросил Уолтер, сильнее сжимая ее руку.

Эльстер оторвала взгляд от Бекки и посмотрела на Уолтера. Ее глаза, и правда, наполнились слезами, и она быстро вытерла их рукавом.

В столовую зашел Томас с матерью. Уолтер махнул им рукой, радуясь, что появился повод сменить тему.

– Доброе утро! – улыбнулся Томас, отодвигая стул, чтобы поставить кресло.

– Доброе утро, герр Томас, доброе утро, фрау Тесс, – поприветствовал их Уолтер чуть суше, чем хотел бы. – Познакомьтесь, фройляйн Бекка – служительница Спящего, как раз рассказывала нам о своем настоятеле, патере Штольце.

– Патер Штольц – тот джентльмен, что исследует «пташек» и вечно пишет в «Парнас» письма? – вдруг спросила Тесс. – Это достойнейший человек, скажу я вам. Один из немногих, кто не поджигает хвост и рассматривает проблемы честно. Кстати, Уолтер, не знаю, сколько вы переучивались, но вам с сестрой пора вспомнить, как звучат слова «сэр», «мистер», «мисс» и «мадам». И остальные прекрасные слова прекрасного альбионского языка. На Альбионе, как вы помните, за «герра» и «фрау» вам достанут специальный прайс в гостинице и подадут специальное меню даже в самом захудалом кабаке.

Бекка смотрела на Тесс с немым обожанием. Эльстер, улыбаясь, цедила кофе, и Уолтеру казалось, что она сейчас откусит кусок от чашки и начнет пережевывать стекло.

– Простите, моей сестре нехорошо.

– Ночью немного трясло, фройляйн Честейн, вы чувствительны к качке? – спросил Томас.

– Весьма, – хрипло выдохнула она, с трудом ставя на стол пустую чашку.

– Могу я предложить вам капли? Не волнуйтесь, они из аптеки в Лигеплаце. Я сам их пью, никак не могу привыкнуть ни к высоте, ни к волнам, – подмигнул он.

– С вашей стороны будет чрезвычайно... – Эльстер осеклась, зажмурилась, а когда открыла глаза – в них не было и следа прежних чувств. – Спасибо, герр Томас, вы так милы! Правда, мне в последнее время нездоровится...

Томас, улынувшись, достал из нагрудного кармана пузырек из темно-красного стекла и подвинул к себе пустой стакан и графин с водой.

– Трех капель хватает на сутки. Вы сможете спокойно спать всю ночь, даже если будет трясти сильнее, – сказал он, отмеряя капли и разбавляя их водой.

– Спасибо вам, герр Томас, – Эльстер, широко улынувшись, залпом выпила раствор.

Уолтер заметил, что Бекка почти ничего не ела. Она пила кофе, сильно разбавленный водой, и отщипывала по крошечному кусочку от тоста. Служительница переводила настороженный взгляд с Эльстер на Томаса, а потом опускала глаза.

Томас пообещал представление в середине путешествия. «Винсент» не делал пересадку во Флер, как более мелкие дирижабли, поэтому их шестидневное путешествие нужно было чем-то скрасить. Уолтер рассказал, что был музыкантом в пабе. Оказалось, что Томас вез с собой гитару и попросил Уолтера выступить вместе с ним. Он уже договорился с капитаном, и ради такого вечера им обещали открыть ящик виски.

– Ох, Томас, не нравится мне эта идея. Все перепьются, а это никогда ничем хорошим не заканчивалось, – Тесс явно была настроена скептически.

– Увы... мадам Даверс. Путешествие всегда чем-то скрашивается. Не попойкой, так выступлением, не выступлением – так дракой. Люди избалованы до крайности и терпеть не могут скуки, – отметил Уолтер.

Слово «мадам» неприятно царапнуло горло чем-то забытым. Уолтер понял, что ему стал окончательно отвратителен даже альбионский язык. Желание дожидаться высадки и тут же пересест на другой дирижабль, убравшись с Альбиона, было так велико, что он почти пообещал себе сделать это. Но потом осекся. Нужно поговорить с отцом. Даже если жандармы Лигеплаца уже записали его в подозреваемые и обнаружили, что он сбежал...

«И оставил деньги Хенрику, идиот! Нет чтобы прислать их потом переводом, позволив всем думать, что я вернусь!» – сокрушенно подумал Уолтер.

Отец не должен думать, что Уолтер виновен. Все подозрения с него, скорее всего, снимут после первого же убийства, совершенного в его отсутствие. В том, что человек, сделавший это, не остановится, Уолтер не сомневался ни минуты. Но до того момента семья Говардов снова превратится в род убийц.

– Верно, матушка, тем более экипаж не будет пить, а от этой публики в случае опасности толка все равно не будет, – сказал Томас, обводя выразительным взглядом сидящих в столовой людей.

Уолтер тоже оглянулся по сторонам и был вынужден признать правоту Томаса. В основном, пассажирами «Винсента» были семьи явно среднего достатка. Достаточно богатые, чтобы позволить себе дирижабль подобного класса, и недостаточно обеспеченные для «Гиденбурга» с его роялями. На одну женщину приходилось в среднем двое детей и один мужчина. Большинство мужчин были немолоды и имели вид типичных мещан – разная степень полноты, округлые размеренные движения привыкших к бумажной работе служащих. Если и вправду случится что-то плохое – помощи от них не будет. Вообще-то никто не заставлял пассажиров вступать в бой в случае нападения на судно, но Уолтер, как и многие другие, считал ниже своего достоинства отсиживаться в каюте.

– Вы думаете, на нас все же нападут, герр Томас? – подала голос Бекка.

– В последние пару лет я все реже слышу о воздушных пиратах, фройляйн. Уверяю вас, нет никаких причин для беспокойства – вас никто не тронет. Здесь достаточно людей, способных защитить корабль.

– Но... я слышала, что эти люди способны убить всех, кто находится на корабле...

– Фройляйн, жестокие и умные пираты – большая редкость, иначе нам всем пришлось бы сидеть там, где мы родились.

– Зато купцы плавали бы на золотых кораблях, – отметила Эльстер.

– Те, что смогли бы довести товары в целости – безусловно. Впрочем, фройляйн, они и так не бедствуют. Мне довелось бывать в Сигхи. Там живет уникальный человек, факир, который согласился дать мне несколько уроков за немалую, скажу вам, сумму. Так вот, знаете, сколько стоят там те «бесценные сокровища», которыми полнятся корабли торговцев? Гребень из черного дерева я купил там за пару их мелких монет, которые в нашей валюте стоят примерно, как пара листьев с дерева. Впрочем, что нам за дело до чужой жадности. Скажите, Уолтер, что вы сможете завтра сыграть?

Остаток завтрака прошел в обсуждении программы выступления. Никто больше не касался темы убийств и «пташек», никто не вспоминал о пиратах и неизвестном Уолтеру клирике патере Штольце.

Впрочем, есть вещи, напоминающие о себе сами.

* * *

Свет в каюте сменился на красный в ближе к полудню следующего дня. Уолтер успел понять, что произошло, еще до того, как после трех световых сигналов тревожно завывла сирена.

– Просыпайся! – он легонько потряс за плечо задремавшую Эльстер. От капель Томаса ее клонило в сон, и она шутила, что шестеренки удивительно не сочетаются с лекарствами. Но сейчас сонливость оказалась некстати.

– Что?! Меня нашли?! – прошептала она, дернувшись из-под его руки.

– Нет, милая, на нас просто напали, – обнадеживающе ответил Уолтер. – Пойдем.

Они вышли в коридор, уже заполнившийся пассажирами. Стюарды стояли в начале, в середине и в конце коридора, давая указания пассажирам.

Стюард, высокий молодой человек с совершенно непроницаемым лицом, тут же обратился к Уолтеру:

– Герр, вы будете защищать корабль?

Уолтер кивнул. Эльстер сжала его запястье ледяными пальцами и испуганно прижалась к плечу.

– А если тебя убьют?!

– Все будет в порядке, – пообещал он ей. – Куда пройти фройляйн?

– Женщины, дети и мужчины, не желающие участвовать в схватке, будут заперты в курительных комнатах. Фройляйн, пройдите к выходу, вас проводят.

Эльстер с трудом разжала пальцы и медленно пошла к выходу, часто оборачиваясь, словно надеясь, что Уолтер передумает.

– Герр, вы будете защищать корабль?..

Уолтер не стал дожидаться ответа бледного юноши, вышедшего с маленькой девочкой на руках.

– Где оружейная? – спросил он у второго стюарда, только что отправившего к выходу пожилую леди.

– Пройдите в столовую, оружие вынесут туда, там же объяснят ситуацию, – холодно отозвался он. – Герр, вы будете...

В столовой собрались полтора десятка пассажиров и два десятка членов экипажа. Уолтер увидел Томаса, задумчиво разглядывающего разложенное на столах оружие, и подошел к нему.

– Мы зря обещали Бекке, что ей ничего не угрожает? – криво усмехнулся Уолтер.

– Железо – дрянь, – тоскливо сказал Томас. – Чудо, что оно еще насквозь не проржавело. Чем вы фехтуете? Надеюсь, не рапирой?

– Много чем, – уклончиво ответил Уолтер, взвешивая в руке фальшион.

Клинок со свистом рассек воздух, и Уолтер, вздохнув, положил его обратно.

– Фальшион для вас не слишком массивен?

– Фальшион для меня слишком не отбалансирован... не вижу сабель... проклятье, лишь бы это были какие-нибудь идиоты на сдуваемом мягком дирижабле!

– Я бы не рассчитывал. Вот сабля в приличном состоянии, – сказал Томас, протягивая Уолтеру клинок.

Сам Томас предпочел кутласс, короче и тяжелее сабли и более удобный для схватки в узком коридоре.

– Кто на нас напал-то?

– Сейчас капитан придет и наконец-то нас просветит. Каждый раз одно и то же, что такое! Неужели никак нельзя избавить нас от этой нечисти раз и навсегда?! – вдруг раздраженно отозвался полный мужчина с вислыми усами.

– Увы, – просто ответил Томас. – Скажите спасибо, что здесь не море, в котором, кроме пиратов, полно левиафанов.

– За поездами – будущее, – глубокомысленно отозвался мужчина, вешая на пояс пятый по счету нож.

– Изобретете поезд, едущий по воде – напишите мне. К чему вам столько ножей?! – спросил Уолтер, глядя, как он пихает за пазуху шестой.

– Они ломаются, – кровожадно усмехнулся он.

Капитана и чародея Уолтер узнал сразу. Как он помнил из инструктажа перед полетом, капитана звали Фредерих Воррамайн, а чародея – Лимман О’Шейли. Капитаном оказался пожилой мужчина в темно-синем кителе. Его лицо было густо усыпано веснушками, и на их фоне только сильнее была заметна смертельная бледность. Чародей выглядел так, будто его привезли напрямик с фермы – простое, широкое лицо, явно не раз сломанный нос-картошка. Черный комбинезон из грубой ткани только усугублял сходство с фермером.

– Господа, – обратился к собравшимся капитан, – вам нужно подняться на смотровую палубу и лично увидеть противника. Признаться, мы в некотором замешательстве.

Поднявшись вместе с остальными по короткой винтовой лестнице, Уолтер оказался в просторном помещении, полном белоснежного дневного света.

– По левому борту, господа, – сказал капитан, указывая на окна.

– Томас, вы такое видели?

– Никогда, – ответил он, и Уолтер не услышал в его голосе ни одной эмоции.

Корабль приближался медленно. Внешне он напоминал узкую и длинную гондолу обычного дирижабля старого образца. Но было два существенных отличия – вдоль бортов корабля располагалось с десяток «плавников», похожих на те крылья летательных аппаратов, что видел Уолтер на Альбионе, и над гондолой ничего не было.

– Как он летит? – ошеломленно спросил стоящий рядом молодой человек. Уолтер узнал своего соседа.

– Мы не знаем, господа, – холодно ответил капитан. – Мы нашли способ отпугивать пиратов еще на подходе – герр О’Шейли искусно обращается с воздушными потоками. Он либо вызывает достаточной силы боковой ветер, либо просто помогал воспламеняющемуся снаряду попасть в цель.

Уолтер мало знал о магии, но знал, что существует множество школ, деление на которые было скорее вопросом национальности, потому что каждый чародей колдовал по-своему. Магия была силой, которую так и не удалось изучить. Точно было известно только одно – она деструктивна и подвластна немногим. И «немногие» почти всегда оказывались боевыми

магами. Исследователи объясняли это тесной связью с определенными особенностями человеческой природы, необходимыми для колдовства. Клирики давали ответ куда проще: сон Спящего, как и всякий сон, может быть абсурден и не все в нем поддается осмыслению. Исследователей это, конечно, не останавливало.

Но сейчас не имело никакого значения, почему на других дирижаблях не пользуются способами герра О'Шейли. Имело значение только то, что эти способы бесполезны.

Корабль приближался, похожий на огромную, неуклюжую рыбу, плывущую прямо в воздухе.

– Наша радистка пытается связаться с ними... Они молчат. Не выдвигают условий.

– Значит, будет бой, – просто сказал Томас.

– А герр О'Шейли не может сдуть от нас эту штуку? – спросил кто-то из пассажиров.

– Увы, форма судна такова, что не представляется возможным...

– А кроме как работать вентилятором герр О'Шейли что-нибудь умеет? – раздался неприязненный голос.

– Послушайте, я лучший чародей, которого могло нанять воздушное судно! Кто же знал, что кто-то научится взлетать без мешка с газом?!

«А если я и правда умру – что станет с Эльстер? Останется на Альбионе? Что ее там ждет, кроме Нижних Кварталов?» – подумал Уолтер.

Он не боялся смерти. Каждый сон когда-нибудь заканчивается, и небытие, в которое уходят сны, не может пугать, ведь в нем нет никаких чувств. Но Эльстер, которой он обещал помочь, ждет сейчас в комнате для курения, и она должна его дожидаться.

– А мы можем попытаться уйти? – спросил Уолтер.

– Мы подставим им спину, герр. Видите ли, над нами как раз есть баллон с газом, делающий нас уязвимыми.

Корабль подошел почти вплотную. Уолтер увидел, как на его бортовых экранах медленно появляется изображение.

– Надо же. Господа, если мы продадим весь корабль – у нас наберется такая сумма? – усмехнулся Томас.

– Выведите на экран «изумруд», – скомандовал капитан в небольшой микрофон в петлице кителя.

Четыре темно-зеленые полосы – переговоры.

На борту корабля заплясали языки пламени.

– Мы разговариваем с ними общепринятой знаковой системой, а эти недоноски общаются с нами метафорами и картинками. Интересно, есть готовое изображение хоть одной подходящей части тела, чтобы их послать? – задумчиво спросил стоящий рядом студент.

– Герр Томас, мы так воодушевленно похватили мечи, а вы не расскажете, как они в небе пойдут на abordаж? – спросил Уолтер, которому ситуация начинала казаться все более бредовой. Он ни разу не присутствовал при захвате дирижабля.

Вместо ответа Томас кивнул на противника. Из-под гондолы выдвигались длинные крюки.

– Они же попросту уничтожат наш корабль.

– И с добычей уйдут на свой. Скажу честно, я никогда не видел таких кораблей, и такую технику используют редко...

– Все на нижнюю палубу, в левое крыло! – приказал капитан после недолгого молчания. – Выключите сигнал тревоги на нижних палубах! Передайте в Монсек, что нам нужна их причальная мачта и команда для встречи!

Уолтер хорошо понял, что означает последний приказ. Если их не захватят, то корабль в любом случае будет нуждаться в ремонте и придется делать пересадку.

– Команда пойдет вниз, пассажиры будут ждать в коридоре, не хватало толкучки... – распорядился капитан.

В коридоре горел белый утренний свет, отражающийся от белых стен. Уолтер стоял, положив руку на эфес и ждал неизбежного. По левую руку от него стоял Томас, задумчиво разглядывающий дверь.

– Уолтер? Куда отвезти вашу сестру, если вас убьют?

– Подальше от Альбиона и Кайзерстата, – попросил он. – А вашу мать?..

– К доктору Харрису. Оттуда ее заберет моя группа, они следуют за нами. Спасибо вам.

– И вам. Но мы переживем этот день.

С нижней палубы раздался треск. Лязг металла и свист ветра.

– Сейчас прорвутся сюда, – спокойно сказал Томас, доставая кутласс.

Уолтер не слушал. Весь мир сжался до двери, из которой должны были появиться противники. Весь мир потерял звуки и цвета, вокруг была только стерильная, белоснежная пустота, звенящая тишина и дверь.

Он не знал, сколько прошло времени, прежде чем дверь открылась.

Пираты зачем-то выкрасили лица белой краской, разделив лица пополам черными полосами. Уолтер часто слышал, что разбойники прячут лица, но никогда не понимал, зачем.

Он закрыл глаза, вытягивая саблю из ножен, чтобы вспомнить, как клинок становится продолжением руки.

Когда он открыл глаза, бой начался.

Мистер Берроуз, его последний учитель фехтования, учил драться в замкнутых пространствах. Привычная манера не подходила – сабля требовала широкого размаха. Значит, удары должны быть скользящими и короткими, а во второй руке должен быть нож.

Томас дал ему прекрасный клинок – мягко разделяющий ближайшее раскрашенное лицо пополам вдоль черной полосы – красной. Уолтер не думал о крови, которая брызгала ему на лицо и густо пачкала манжеты. Первый урок фехтования: о смерти думать после боя. Со временем Уолтер научился держаться ритма, который позволяет задать пространство. Смотреть на противника, и по глазам читать его следующее движение. Но главным уроком всегда оставался первый. О смерти – потом. Не думать о ней в тот момент, когда легко нашептать Спящему о собственном поражении.

Удар снизу – если бы не заметил, нож вошел бы у паха и закончил бы движение у горла. Он заметил. Чужой предсмертный булькающий хрип не коснулся сознания, потому что это уже не имело никакого значения. Этот человек перестал существовать, растворившись в белоснежной пустоте.

Рукоять ножа неудобной формы стала совсем скользкой. Но ни бросить, ни выпустить ее нельзя. Резкая боль обжигает левое плечо – прямо перед собой Уолтер видит чей-то желтый оскал и почти черные от бешенства глаза в белой краске. Нож входит прямо в зрачок человека перед ним раньше, чем тот успевает нанести следующий удар. Уолтер видит Томаса, который не стал вытаскивать свой клинок из трупа. Рукав горячий и мокрый. Уолтер не смотрит на руку, потому что о смерти думать можно будет потом. Он наклоняется к мертвецу и вытаскивает его нож из еще теплых пальцев. Лезвие красное от его, Уолтера, крови. Но какое это имеет значение в белоснежном мире, где нет смерти?

Все кончилось так же внезапно, как и началось. В один момент Уолтер закрыл глаза, а открыл их в реальном мире. В мире, где он стоит, тяжело дыша, посреди залитого кровью белоснежного коридора и не может разжать словно сведенные судорогой пальцы.

В плече разливалась раскаленная боль. Уолтер не мог заставить себя посмотреть на рану, только обводил ошалевшим взглядом заваленный трупами коридор. Встретился с синим взглядом Томаса – таким же спокойным, как и в начале боя. И улыбнулся ему, легко и весело, словно не было вокруг мертвых тел и узора красных капель. Словно смерти все еще не было.

Он обещал Эльстер вернуться и сдержал обещание.

Уолтер с трудом разжал пальцы. Оба клинка с глухим стуком упали на ковер и мир, вздрогнув, погас.

* * *

Уолтер очнулся почти сразу. С трудом приподнялся над влажным ковром. Вся левая половина лица была липкой, а сознание мутила дурнота.

– Уолтер! Я уже думал – вы умерли!

Томас стоял рядом с ним на коленях и все еще прижимал указательный и средний пальцы к его шее.

– Нет... пока нет, – с трудом улыбнулся он, вставая. – Все? Отбились?

– Да, среди наших даже небольшие потери. Но скоро заходим на посадку, кораблю нужен ремонт. А вам нужен врач, пойдемте со мной. Да держитесь же, глупый мальчишка! – в сердцах выдохнул Томас, видя, что Уолтер собирается идти сам. – Вечно с вами так! Молодые, бессмертные! Знаете, сколько я таких видел на войне?!

Какой-то мужчина орал на чародея, угрожая расправой и трибуналом. Несколько человек сидели на полу, меланхолично уставившись на мокрый от крови ковер. Два стюарда собирали с пола брошенное оружие. Остальные, кажется, уже разошлись. Видя, что рядом с раненым кто-то есть, люди отворачивались и больше не поднимали на них взглядов.

– Вы воевали с Гунхэго? – спросил Уолтер, чтобы только отвлечься от дурноты и боли звуками чужого голоса. Рана оказалась глубокой и длинной, но на счастье чистой. Он тоскливо наблюдал, как черная ткань сюртука Томаса начинает блестеть от крови.

– Да, чтоб им всем было пусто. Какого черта не сиделось на месте, можно подумать, что среди наших идиотов мало покупателей на дурь!

– Вы не знали Джека Говарда? Врача?

Мимо них прошел стюард, держащий завернутые в толстую шерстяную ткань клинки. Уолтер проводил его мутным взглядом. Можно было не сомневаться в том, какое оружие в следующий раз разложат на столах.

– Джека Говарда? Такого черноволосого, бледного и злющего, как стокер? Знал, как не знать – безумный был, но талантливый. Видел, как он орал на генерала. Мальчишке лет двадцать от силы, худой, как щепка, его будто щелчком можно перешибить. Вроде аристократик какой-то из столицы, никого не боялся. Стоит перед генералом, тот сидит за походным столом и пытается его успокоить. А Джек поднял трость и давай стучать ею по столу: «Если вы не в состоянии! Следить за своими людьми! Этим займется Комиссия по Этике, я вам это обещаю!». И только представьте, Уолтер, генерал Колхью, одного имени которого так боялись солдаты...

Томас хорошо понял, что от него требовалось. Он говорил спокойно и размеренно, и его бархатный голос действовал на сознание, словно колыбельная.

Почему-то врач принимал раненых не в столовой, как ожидал Уолтер, а на смотровой площадке. Доктором оказалась невысокая полная женщина в массивных очках с длинными окулярами. Уолтер часто видел такие у летчиков, ювелиров и чтецов – в них был комплект увеличительных линз.

– Простите, герр, здесь больше света и меньше пыли, чем в столовой, – тут же ответила она на незаданный вопрос, закатывая его рукав. – Прекрасная рана, просто замечательная...

Он поморщился. Женщина оказалась из той же породы, что и Джек – готова часами ворковать над увечьями и болезнями и искренне недоумевать, почему у кого-то они не вызывают такого же восхищения.

– Томас, вы же идете к матери?

Он кивнул:

– Я скажу вашей сестре, где вы. Фрау, когда зайти за вашим пациентом?

– Санитар ответит, – коротко бросила женщина, проводя по краям раны проспиртованным тампоном.

– Ах вы, паршивые выродки! – раздался полный ненависти возглас.

Капитан стоял у окна и, не отрываясь, смотрел на корабль противника. Уолтеру с его места было прекрасно видно окно и причину возмущения капитана.

«Плавники» безжизненно висели вдоль гондолы. А главное – над ней был отчетливо виден бурый баллон, самый дешевый, из промасленной ткани.

– Как такое... – ошеломленно прошептал Томас.

– Видимо, у них бы чародей, которого хватило на то, чтобы сделать баллон невидимым. Не удивлюсь, если эти штуки по бокам заставляли двигаться вручную. Поразительно: мы могли сдуть от себя эту мелочь, не замедляя хода и не меняя курса! – сказал О’Шейли, тоже не отводящий взгляда от окна.

На соседней койке молодая санитарка бинтовала ногу студенту, соседу Уолтера. Парень был бледен до серости, но молчал, стиснув зубы, и упорно мотал головой, когда санитарка что-то ему предлагала.

Уолтер не выдержал. Ему было больно, и его все сильнее мучило, он боялся за Эльстер, а еще он искренне сопереживал людям, оставшимся лежать на нижней палубе и в коридоре, его раздражала вынужденная пересадка и потеря времени, но он ничего не мог с собой поделать. Ситуация была слишком абсурдной.

Сначала он сдавленно хихикал, когда ему вкалывали морфий, но смех давил на горло, прорываясь наружу. Нехороший, истерический смех, заразный, как и всякое безумие.

Доктор не приступала к шитью, только молча осуждающе смотрела на смеющихся мужчин. Впрочем, она хорошо знала этот смех – в нем было поровну горечи и облегчения. Так смеются люди, оставшиеся в живых.

Глава 8. Двери открываются

В ту ночь Уолтер не мог уснуть. Морфий уже не действовал, оставив после себя только тошноту и тяжелую пульсирующую боль. Доктор, фрау Хелен, сказала, что ему очень повезло и, хотя руку рассекло до кости, клинок не задел ни вен, ни сухожилий. Обещала, что останется тонкий и аккуратный шрам, посоветовала на то, что он продолжал драться, получив ранение, и потерял больше крови.

Дирижабль приземлился в Монсеке спустя три часа после завершения боя. Пиратский корабль должны были отконвоировать на землю, продать и пустить часть средств на починку «Винсента», а часть предоставить городу на компенсацию расходов.

Пассажиров разместили в гостинице при аэродроме. Раненым предложили остаться в местной больнице и получить медицинскую помощь, но Уолтер отказался. Завтра утром «Майерлинг» отбывал на Альбион, и Уолтер собирался быть на борту за пару часов до взлета. Поэтому бессонница была даже кстати.

Эльстер спала на соседней кровати. Номер в гостинице был размером примерно со шкаф в любой комнате в Вудчестере, и Уолтер мог дотронуться до Эльстер, просто протянув руку. Поэтому даже очень тихий, приглушенный подушкой вскрип он расслышал отчетливо.

– Что с тобой? – тихо спросил он, приподнимаясь.

Подождал ответа почти минуту, с улыбкой прислушиваясь к слишком спокойному дыханию.

– Эльстер, я знаю, что ты не спишь.

– Прости... Я думала, ты не слышишь.

– Как ты плачешь у меня над ухом? Что случилось?

– Зря я к тебе пошла... не надо было...

– Почему? Я не брошу тебя на Альбионе, не бойся.

– При чем здесь Альбион?! А если бы тебя убили?! Я не знала, что путешествовать так опасно...

– Эльстер, мне все равно пришлось бы бежать из Лигеплаца, у меня нет никакого желания попадать в кайзерстатскую жандармерию. Альбионская, правда, еще хуже и там разрешены пытки, но на Альбионе никогда никому не было дела до иностранных преступников.

– Пытки...

– Никто никого не будет пытать. Скажи лучше, ты правда вчера не испугалась?

– Неправда... Уолтер, тебе не рассказывали про ребенка?

– Нет.

Дурнота не отступала. Уолтер достал из кармана висящей на спинке кровати шинели флакон с микстурой, который дала ему фрау Хелен. Взял с тумбочки, стоявшей между кроватями, стакан с водой и отмерил семь капель. По комнате расплылся резкий запах лимона.

В полутьме между занавесками то и дело проскальзывал луч прожектора с аэродрома.

– Там была настоящая паника... В общем, нас заперли в комнате для курения. Видел, наверное – там такая герметичная дверь и стены обиты каким-то деревом, пахнет странно...

– Это специальная пропитка от возгорания. Наверное, ремонт делали недавно, вот оно и пахнет. На дирижаблях курилки и кухни раз в полгода ремонтируют.

– Я так и подумала. В общем, нас заперли снаружи. Сначала все было спокойно, кто-то плачет, Бекка четки достала и молится в углу, какие-то тетки обсуждают, как утку запекать, ну еще фрау... мадам Даверс пыталась со мной заговорить...

– Мадам, – поправил ее Уолтер. – Одно «д», короткое.

– Мадам... Мадам Даверс. В общем, начала мне какую-то чушь рассказывать, чтобы меня отвлечь, но я не слушала, все представляла, как тебя там убивают.

Уолтер почувствовал, как в душе всколыхнулось почти забытое чувство, которое так осуждал его отец.

«Бедная девочка, все время боится... неужели нельзя было лишить ее этих чувств и не мучить, если ее создали для таких ужасных вещей...» – подумал он.

– Ну вот, значит. Представляешь себе, курилка, там вентиляция хорошая, но запах от стен очень сильный, и табаком все пропитано. Я на полу сидела, так мне казалось, что на горе окурков. А сверху это все какими-то маслами залито, вроде апельсин с бергамотом. Полтора десятка человек... В общем, девочка маленькая, в детях не разбираюсь, но говорила еще с трудом... сначала что-то матери говорила, а потом плакать начала. Мы не обращали внимания – она была не единственная, кто плачет, ну и мало ли, что там ребенку... А потом она начала задыхаться.

Эльстер говорила медленно, но часто сбиваясь. Уолтеру казалось, что она хочет поскорее перейти к следующей части рассказа, но почему-то опасается это делать.

– Девочка была с матерью – такой дорого одетой, молодой, болезненного вида фра... мадам. Мать побледнела, за сердце как схватилась, что-то пытается сказать... а потом как закричит: «Люси! Она задохнется!..» И какую-то болезнь назвала, я не помню. И знаешь, что дальше? В обморок хлопнулась! Привыкла, видать, что стоит глазки закатить – и вокруг толпа услужливых мужчин. Только вся эта толпа там, в коридорах режется, им не до нас.

Уолтер расслышал в голосе Эльстер знакомые звенящие нотки. Его всегда удивляло, что она не ожесточилась и не приобрела того цинизма, который часто отличал девушек ее профессии.

– И что потом?

– Ну, эти курицы давай охать и ахать, кто-то пытается мамашу по щекам бить, кто-то ребенка схватил непонятно зачем, кто-то в дверь колотится и рыдает... натуральный курятник.

– А что делала ты?

– А что я могу сделать? Я встала перед креслом мадам Даверс, чтобы ее не задела, и смотрела. Я не доктор, Уолтер, понятия не имею, что делать. И произошло что-то... странное.

Он знал, что на корабле никто не умер, поэтому историю слушал отстраненно, чувствуя, как после микстуры отступает, наконец, тошнота.

– Дверь открылась, – сказала Эльстер и замолчала, словно закончив рассказ.

– Дверь... открылась?

– Да, Уолтер, закрытая, герметичная дверь, побери ее, открылась. Закрытая снаружи дверь. Девочку вроде отнесли к доктору.

– Может, кто-то снаружи...

– Коридор был пуст. Никого там не было. У двери крутились пять или шесть женщин, даже эта, Бекка, зачем-то с ними, хотя толку от нее...

– Она просто тоже пыталась хоть чем-то помочь.

– Как открыли дверь, Уолтер? Я потом проверяла – у нее снаружи замок, тугой вентиль. Он бы сам не открылся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.